

НАУЧНЫЙ
АСПЕКТ
na-journal.ru

2024

№1
TOM 16

УДК 001.8(082)

ББК 1

Н 34

Периодичность – 12 раз в год

Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе
приведены на сайте <https://na-journal.ru>

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 1 2024. – Самара: Изд-во ООО «Аспект»,
2024. – Т16. – 132 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082)

ББК 1

Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9

Официальный сайт: <https://na-journal.ru>

Электронная почта: public@na-journal.ru

Подписано к печати 15.02.2024

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № .
Формат 60×84 /16. Объем 7,92 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты»

г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ПРАВО

Свиныхова А. А.

Вопросы отграничения кражи от смежных составов преступлений.....1945

Свиныхова А. А.

Проблемы квалификации грабежа по российскому уголовному праву.....1951

Коломиец В. А.

Институциональность профессионального судебного представительства, как основа защиты прав и свобод доверителей.....1955

Мальшева Р. О., Русакова Д. А.

Цифровая трансформация государственного управления и проблемы его административно-правового регулирования в условиях цифровизации.....1960

Трубина А. Д.

Юридическая ответственность в исполнительном производстве.....1967

Краснова А. С.

Особенности применения и реализации смарт-контрактов в гражданско-правовом обороте.....1972

Очиров Б. С.

Основные проблемы системы органов прокуратуры и пути их решения.....1976

Соколов А. Д.

Принцип единства системы публичной власти: конституционное толкование и реальная практика.....1982

Кальяк А. М., Берунова Н. И.

Основания административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности.....1992

Сурков С. Ю.

Особенности использования государственной информационной системы в сфере управления промышленными предприятиями в Российской Федерации.....1997

Зуев И. С.

Обеспечение технологического суверенитета РФ: правовые механизмы, возможности, барьеры коммуникации..... 2007

Быкова С. С.

Аудиозапись судебного заседания: понятие, порядок фиксации хода судебного заседания и ознакомления с результатом..... 2021

Баркова Л. А.

К вопросу о защите деловой репутации корпорации..... 2027

Кисс К. А.

Отдельные проблемы правоприменения при рассмотрении корпоративных споров о недействительности крупных сделок.....2038

Кайнер О. В.

К вопросу о злоупотреблении правом в трудовых правоотношениях...2045

Мустафаева М. М.

К вопросу совершенствования уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних..... 2050

Кондратенко О. А.

Активность суда в переквалификации исковых требований при рассмотрении дела в арбитражном судопроизводстве..... 2055

УДК 34

Вопросы отграничения кражи от смежных составов преступлений

Свиныхова Алина Андреевна

студент Национального исследовательского Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарёва

***Аннотация:** В связи с большим количеством противоправных деяний, имеющих схожий состав со ст. 158 УК РФ, автором рассмотрены вопросы отграничения кражи от иных преступлений, таких как грабеж, разбой, мошенничество и угон.*

***Abstract:** Due to the large number of unlawful acts having a similar composition to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author considered the issues of differentiation of theft from other crimes such as robbery, robbery, assault and hijacking.*

***Ключевые слова:** кража, грабеж, разбой, угон, находка.*

***Keywords:** theft, robbery, robbery, theft, discovery.*

За 2022 год в Российской Федерации было рассмотрено 213 408 уголовных дел по ст. 158 УК РФ. Это самый высокий показатель, за последние три года: в 2021 году было рассмотрено 205 650 уголовных дел, а в 2020—190 090. Кражи являются наиболее часто совершаемыми преступлениями, в сравнении со всеми остальными видами преступных деяний, предусмотренных российским уголовным законодательством, что также подтверждают статистические данные. Так, в 2022 году всего было осуждено 614 726 лиц, из них по ст. 158 УК РФ 166 423 человек [4]. Данные показатели говорят об актуальности рассмотрения уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ — «Кража».

Одной из проблем, возникающих на практике при квалификации открытого хищения имущества, является отграничение состава совершенного преступления от смежных составов.

В тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», правоприменителем даются разъяснения по многим вопросам, относительно исследуемой проблематики.

Так, в Постановлении отмечается, что в каждом конкретном деле суд, прежде всего, внимание должен обращать на доказательственную базу, которая есть в наличии, для правильной квалификации действий виновных. Нельзя допускать ошибки, связанные с пониманием тайного или открытого способов хищения, а также в процессе, когда оцениваются обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность преступника.

Прежде всего, кражу следует отличать от грабежа (ст. 161 УК РФ) и разбоя (ст. 162 УК РФ). В соответствии с УК РФ грабежом следует признать хищение открытым способом, то есть, когда деяние совершается, например, в присутствии собственника или в присутствии других лиц, когда и они и сам виновный в полной мере осознают, что характер действий субъекта носит неправомерный характер.

Кража является тайным хищением, то есть совершаться она должна, когда отсутствует собственник или иные лица, или когда хотя они и присутствуют, но не понимают, что лицо действует противозаконно или когда кражу он совершает незаметно для последних.

Исходя из этого, для установления факта совершения кражи следствие, в первую очередь, должно точно определить с открытым хищением мы имеем дело или оно было совершено тайно.

В Постановлении суд отмечает, что если лицо присутствует при краже, но не понимает, что субъект действует незаконно или когда присутствует родственник виновного лица, но он знает, что его преступные намерения они не осознают, то такое деяние будет являться кражей. Если же присутствующие осуществляют действия, чтобы кражу предотвратить, то в этом случае виновный должен нести ответственность в соответствии со ст. 161 УК РФ.

Если при краже хозяином обнаруживается процесс ее совершения, однако преступник, видя это, продолжает совершать незаконное действие или старается удержать имущество, то тут мы имеем дело с открытым хищением и деяние надлежит квалифицировать в качестве грабежа,

а если еще и применяется опасное для жизни насилие, то мы имеем дело с разбоем.

При разграничении между собой кражи и разбоя, следует иметь в виду, что при разбое насилие направлено на то, чтобы оно способствовало совершению преступления. Тем самым следует устанавливать и анализировать все имеющиеся факты.

Так, к примеру, по одному из уголовных дел, О. был осужден по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Однако с решением суда О. не согласен и просил суд переквалифицировать его деяние по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Исходя из материалов дела, О. вместе с М., предварительно договорившись о тайном хищении чужого имущества, находясь в помещении, пытались похитить мобильный телефон и иное ценное имущество. В это время они были замечены потерпевшим Д., который соответственно, начал возмущаться происходящим. В результате чего, О. и М. были нанесены смертельные удары ножом Д. После того, как Д. перестал подавать признаки жизни, осужденные похитили его имущество, которым впоследствии распорядились.

При таких обстоятельствах юридическая оценка действий О. является правильной и оснований для их переквалификации не имеется [3].

Следует кражу отграничивать и от мошенничества (ст. 159 УК РФ). Предметом преступления при мошенничестве становится право на имущество. Отличием мошенничества от кражи является добровольная передача имущества виновному. Когда субъект совершает деяние и применяет при этом обман или злоупотребляет доверием потерпевшего, но делает это в отношении лица, который характера действия виновного не осознает, то и деяние должно быть квалифицировано как кража. Обман и злоупотребление доверием в рамках мошенничества являются способами при помощи, которых совершается преступление. В отличие от кражи при совершении мошенничества происходит непосредственный контакт между жертвой и преступником.

Следует четко кражу отделять и от такого деяния, как незаконное завладение автомобилем или иным транспортным средством. За данное деяние законодатель ответственность предусмотрел в ст. 166 УК РФ.

Отличительным признаком угона является факт того, что преступник в свою собственность ничего не обращает. Не делает он этого и в пользу иных лиц, а только лишь предполагает использовать имущество в своих целях, не заручившись согласием собственника транспорта или иных лиц, которые им владеют и распоряжаются по иным законным основаниям.

Сложность разграничения преступных деяний по ст. 158 и ст. 166 УК РФ, состоит и в том, что у этих преступлений совпадает и предмет, и объект деяния, кроме того, похожими могут быть и способы совершения преступления.

В связи с этим представляется, что в основе разграничения лежит субъективный критерий, то есть такой критерий, посредством которого устанавливается умысел виновного. При угоне умысел должен быть направлен конкретно на неправомерное и временное пользование имуществом, без умысла на его завладения.

Также, для правильной квалификации содеянного необходимо обращать внимание на момент окончания деяния. Моментом окончания угона будет начало движения транспортного средства, в то время как при краже виновный должен обратить автомобиль в свою или чужую собственность, то есть у него должна появиться возможность свободно распорядиться имуществом.

Для квалификации преступления по ст. 158 и ст. 166 УК РФ важно обнаружение транспортного средства. Если его обнаружили при проверке сообщения о преступлении, деяние будет квалифицировано как угон. Однако, время обнаружения не доказывает наличие или отсутствие умысла на хищение. Преступные группировки могут использовать это, чтобы совершать кражу и затем скрывать транспортное средство для продажи или разборки [2, с. 25].

Кража должна быть четко разграничена с растратой и присвоением, что предусмотрено ст. 160 УК РФ.

Отличие заключается в использовании в отношении имущества полномочий, которые имеет виновный. То есть субъект распоряжается вверенным ему имуществом и впоследствии он его присваивает. В краже виновному никто и ничего не вверяет, тем самым это и будет основным признаком разграничения данных составов.

Также следует отграничить кражу с таким правомерным действием, как находка. С увеличением количества электронных устройств у каждого человека участились случаи их утраты и присвоения. Оценка специфики таких преступлений и отношения лица, нашедшего имущество, к содеянному вызывают противоречивую судебную практику. Присвоение найденного в большинстве случаев квалифицируется как кража. Отсутствие возможности определить причину исчезновения вещи затрудняет установление корыстного умысла на кражу, а потерянное имущество рассматривается как предмет присвоения. В научных кругах существуют разные точки зрения на квалификацию присвоения найденного. Судебная практика также неоднозначна.

В связи с этим, отдельными авторами высказываются предложения о дополнении УК РФ, с целью законодательно выработанного единого подхода к вопросу квалификации и привлечении к уголовной ответственности лиц, которые совершили присвоение найденного, ст. 158.2 «Присвоение найденного чужого имущества», предусматривающей, что «присвоение найденного чужого имущества — наказывается штрафом в размере пятикратной стоимости присвоенного имущества. Одновременно необходимо внести соответствующие изменения в статью 46 УК РФ, которая регламентирует понятие и размер штрафа как вида наказания» [1, с. 216].

Таким образом, отграничение кражи от смежных составов преступлений является важным аспектом правовой практики. Специфика каждого состава преступления позволяет устанавливать четкие критерия для дифференциации преступного деяния.

В общих чертах, проанализировав составы отдельных преступных деяний, с целью их разграничения, можно сказать, что при грабеже действие совершается открыто, а при краже — тайно. Если лица, присутствующие при краже, не осознают неправомерности действий, это признается кражей. При разбое используется насилие. Мошенничество отличается от кражи тем, что преступник применяет обман или злоупотребляет доверием потерпевшего. Незаконное завладение автомобилем квалифицируется отдельно от кражи: угон отличается тем, что преступник не делает украденное имущество своей собственностью, а лишь использует его временно.

Однако на практике не все так просто и прозрачно как в теории, и зачастую, судебная практика говорит о противоречивости применения норм уголовного законодательства. Одним из первых шагов, на пути к правильной квалификации преступного деяния стали разъяснения Верховного Суда РФ, изложенные в Постановлении в 2002 году. В первую очередь были установлены более четкие критерии разграничения кражи от грабежа и разбоя, которыми стали руководствоваться судьи при принятии решения.

На сегодняшний день законодателю также необходимо продолжать вести работу по уточнению отдельных спорных моментов, возникающих при квалификации преступлений, схожих по составу.

Список литературы

1. Агильдин В. В. Проблемы отграничения кражи от присвоения найденного / В. В. Агильдин // Академический юридический журнал.— 2023. — Т. 24, № 2 (92). — С. 211–217.
2. Каримова Н. П. Проблемы отграничения кражи от смежных составов преступлений / Н. П. Каримова // Базис.— 2023.— № 1 (13). — С. 23–28.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 № 56-УД21–28-А5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел // Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. — <https://sudstat.ru/?y-sclid=lqravrn6az790082342>.

УДК 34

Проблемы квалификации грабежа по российскому уголовному праву

Свиныхова Алина Андреевна

студент Национального исследовательского
Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва

***Аннотация:** В данной научной статье автор рассматривает проблемные аспекты квалификации грабежа по российскому уголовному праву, в частности со стороны отграничения грабежа от смежных составов.*

***Abstract:** In this scientific article the author considers problematic aspects of qualification of robbery under Russian criminal law from the side of differentiation of robbery from related corpus delicti.*

***Ключевые слова:** грабеж, кража, смежный состав, проблемы квалификации, открытость.*

***Keywords:** robbery, theft, related composition, qualification problems, openness.*

Защита собственности своих граждан является одним из важнейших приоритетов Российской Федерации как демократического правового государства. Одним из наиболее встречающихся преступлений корыстно-насильственной направленности является грабеж.

Согласно данным статистики за январь-ноябрь 2021 года уменьшилось число грабежей (на 18,6%), в том числе в парках, скверах и на улицах населенных пунктов совершено на 22,7% меньше грабежей [3].

Актуальность рассмотрения выбранной темы статьи подтверждается тем, что проблемы квалификации грабежа многосторонняя, и в данном исследовании хотелось бы выделить наиболее основные моменты, которые вызывают трудности уголовно-правовой оценки содеянного.

Согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, под грабежом понимается «открытое хищение чужого имущества».

Особенностью, которая выделяет грабеж в самостоятельный состав преступления, является открытый способ изъятия имущества.

Открытым является также похищение, совершаемое в присутствии потерпевшего или лиц, в ведении или под охраной которых находится имущество, либо присутствие посторонних. Именно данное обстоятельство создает особые сложности в уголовном правоприменении в отношении такого вида преступлений, как грабеж.

Сложности квалификации хищения чужого имущества и в дальнейшем назначением судом ответственности за его совершение связано с несколькими обстоятельствами, среди которых можно выделить следующие:

- трудности установления активных действий преступника;
- проблемы квалификации открытости действий грабителя;
- частая невозможность установления ненасильственного изъятия имущества [1, с. 84].

Проблемы квалификации грабежа в российском уголовном праве невозможно рассматривать в отрыве от смежных составов преступлений и их разграничения, т. к. непосредственно в этом заключается функциональное назначение, выявления и разрешения проблемных моментов квалификации преступлений, что, в конечном итоге, должно способствовать повышению качества уголовного правоприменения.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» суд отмечает, что если лицо присутствует при краже, но не понимает, что субъект действует незаконно или когда присутствует родственник виновного лица, но виновный знает, что с его стороны возражений не будет, то такое деяние будет являться кражей. Если же субъекты осуществляют действия, чтобы кражу предотвратить, то в этом случае виновный должен нести ответственность в соответствии со ст. 161 УК РФ.

К примеру, согласно приговору И. признан виновным в совершении открытого хищения велосипеда. Суд, квалифицируя действия И. как грабеж, учитывал факт присутствия при совершении преступления свидетелей С.А. и А.Ю., которые, в свою очередь понимали и осознавали противоправность в действиях И. [4].

Тем не менее, опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в частности п. 4 постановления от 27 декабря 2002 года № 29, стоит уточнить, что при установлении способа хищения имущества необходимо учи-

тывать характер взаимоотношений виновного с лицами, присутствовавшими при совершении преступления.

Исходя из материалов дела рассматриваемого приговора, свидетели А.Ю. и С.А. являлись знакомыми И., и на основании этого действия И. следует переqualифицировать с ч. 1 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Таким образом, считаем, что с целью сокращения ошибок квалификации содеянного, необходимо законодательно в ст. 161 УК РФ закрепить юридические признаки грабежа. Это позволит в первую очередь опираться непосредственно на нормы уголовного законодательства, а не обращаться к положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ, как это происходит сейчас. В конечном итоге, все это будет способствовать соблюдению принципа справедливости и гуманизма в уголовном праве.

Если при краже хозяином обнаруживается процесс ее совершения, однако преступник, видя этого, продолжает совершать незаконное действие или старается удержать имущество, то тут мы имеем дело с открытым хищением и деяние надлежит квалифицировать в качестве грабежа, а если еще и применяется опасное для жизни насилие, то мы имеем дело с разбоем.

При разграничении между собой кражи и разбоя, следует иметь в виду, что при разбое насилие направлено на то, чтобы оно способствовало совершению преступления. Тем самым следует устанавливать и анализировать все имеющиеся факты.

Кража может и просто перерасти в грабеж. По этому поводу ВС РФ отметил, что когда деяние становится для иных лиц очевидным, а виновное лицо полностью это осознает и продолжает совершать деяние, то содеянное следует квалифицировать по ст. 161 УК РФ.

Момент перерастания кражи в грабеж, далеко не всегда очевиден, особенно при использовании камер видеонаблюдения для охраны предмета преступного посягательства. В части квалифицированных составов грабежа проблемы квалификации, связанные со способом совершения хищения также являются наиболее распространенными. Наибольшие проблемы в данном случае представляет разграничение угрозы насилием опасным и неопасным для жизни и здоровья [2, с. 37].

Грабеж является распространенной формой хищения, но в зависимости от предмета уголовного деяния грабеж может быть переqualифициро-

ван на кражу предметов, имеющих особую ценность (статья 164 УК РФ), угон (статья 166 УК РФ), кражу оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226 УК РФ), кражу наркотических средств. Основная проблема этого аспекта возникает ввиду возможной неопределенности категории предмета преступления. Со стороны квалифицированных составов грабежа возникают проблемы с квалификацией, когда речь заходит о размере крупного и особо крупного количества похищенного имущества при многоэтапном грабеже, когда может произойти продолжаемое преступление.

Также существуют проблемы квалификации основного состава грабежа и его квалифицированного состава относящегося к групповому совершению преступления. Поскольку совершение грабежа простой группой лиц подпадает под простой состав грабежа, а его совершение группой лиц на основании предварительного сговора или организованной группой — квалифицированными составами, возникает проблема разграничения простого и квалифицированного составов грабежа в зависимости от наличия или отсутствия предварительного сговора. Эта проблема усугубляется наличием организаторов, подстрекателей и сообщников среди участников ограбления.

Подводя итог, хотелось бы привести возможные направления совершенствования правового механизма привлечения к ответственности за грабеж. Так, к примеру, необходимо объяснение правового механизма установления ненасильственного изъятия имущества, а также конкретизация квалификации открытости действий преступника с подробным правовым разъяснением (возможно в качестве примечаний, а также отдельных пунктов уголовного законодательства).

Список литературы

1. Бычков С. Н. Уголовная ответственность за грабеж: причины роста численности преступлений и законодательные проблемы их урегулирования / С. Н. Бычков, О. А. Филипова // Новеллы права, экономики и управления 2020: сборник научных трудов по материалам VI международной научно-практической конференции, Гатчина, 25–26 ноября

- 2020 года. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. — С. 281–286.
2. Григорьев О. А. Проблемы квалификации грабежа по российскому уголовному праву / О. А. Григорьев, А. А. Чертова // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: Сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. В 5-ти томах, Курск, 25 июня 2020 года. — Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2020. — С. 35–37.
 3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf>.
 4. Постановление Президиума Вологодского областного суда от 18.06.2018 по делу № 44У-18/2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SO-SZ&n=214952#WIGqHvSuK6iB3L84>.

УДК 34

Институциональность профессионального судебного представительства, как основа защиты прав и свобод доверителей

Коломиец Виктор Александрович

аспирант Новосибирского государственного университета
экономики и управления

***Аннотация:** В данной статье профессиональное судебное представительство рассматривается, как социальный институт, деятельность которого направлена на удовлетворение потребностей индивида в защите своих прав и свобод. При использовании институционального подхода описываются основные функции, цели, роли и ценности института профессионального судебного представительства.*

***Abstract:** In this article, professional legal representation is considered as a social institution whose activity is aimed at satisfying the needs of an individual in defense of his rights and*

freedoms. Using an institutional approach, the main functions, goals, roles, and values of the institution of professional legal representation are described.

Ключевые слова: социальный институт, институциональность, судебное представительство, услуги, юридическая помощь, доверитель.

Keywords: social institution, institutionality, judicial representative, legal services, civil procedure.

.....

Полноценное и стабильное функционирование общества невозможно без нормативной основы для регулирования социальных отношений. Такой нормативной основой выступают правовые отношения. Именно правовые отношения укрепляют социальный порядок, способствуют достижению баланса и удовлетворению интересов общества. Правовые отношения образуют различные социальные институты, одним из которых является институт профессионального судебного представительства.

А. В. Тихонов в своей работе указывает на многослойность социального порядка. Традиционный порядок регулирует отношения родства, дружбы и соседства, этнической идентичности посредством празднований, ритуалов, бытовой культуры. Над ним надстраивается гражданский порядок, согласовывающий частные интересы людей в формах их свободной самоорганизации. За ним следует правовой порядок, искусственно устанавливаемый государством для «обуздания» разгула частных интересов. Наконец, последний слой социального порядка — это сознательная организация отношений между людьми на основе определённых базовых ценностей [2].

Каким образом современные социальные науки определяют содержание понятий «социальный институт» и «институционализация»?

Доктор социологических наук, профессор Кошарная Г. Б. вместе с соавторами в своем учебном пособии рассматривают социальный институт как системную структуру культурных компонентов, которые призваны удовлетворять ряд определенных социальных потребностей либо служить конкретным социальным целям, а также представляют собой общественно-санкционированный порядок осуществления социально-важной деятельности [1]. Подобный институт формируется и складывается в ходе

взаимодействия граждан, участвующих в функционировании какого-либо института посредством механизма социальных иерархий и статусов. Можно сделать вывод, что социальный институт выступает в виде достаточно стабильной интеграции в социум совокупности традиционных верований, ценностных представлений, символики, исторически сложившихся норм и социальных статусов, управляющих важнейшими областями общественной жизни, такими, как семья, образовательная сфера, управление, экономика, религиозные образования. Социальный институт сегодня рассматривается как сложившаяся система норм, правил и ведущих установок, которые регулируют самые разные направления деятельности граждан, приобретая строгую упорядоченность за счет реализации устойчивых социальных статусов и ролей.

Институциональный подход при исследовании жизнедеятельности социума заключается в концентрации внимания на самых устойчивых социальных традициях, привычных действиях и поведенческих шаблонах, которые передаются следующим поколениям. И напротив, для внеинституциональных, не подвергшихся институционализации социальных поведенческих форм более характерны спонтанные, случайные действия и решения, они менее управляемы.

Таким образом, формирование любого социального института — это и есть процесс институционализации, всегда проходящий через ряд последовательных стадий:

1. Появление общественной потребности, требующей для своего удовлетворения организации гражданского взаимодействия;
2. Развитие идейной базы такого взаимодействия;
3. Возникновение в процессе совместных повторяющихся действий определенных общих правил и норм;
4. Формирование процедурных алгоритмов в рамках сложившихся правил и норм;
5. Официальное принятие и закрепление сложившихся на практике правил, норм и процедур;
6. Оформление перечня наказаний и санкций в случае нарушения правил и норм, подразумевающее их дифференцированное и регулируемое применение;

7. Оформление символики и материальных активов сформировавшегося социального института.

Судебное представительство как профессиональная социальная деятельность прошло длительный и сложный путь институционализации.

По нашему мнению, институциональность профессионального судебного представительства характеризуется следующими аспектами:

- Цель — осуществлять деятельность, способствующую обеспечению доступа к правосудию;
- Функции — защищать свободы и права доверителей;
- Набор социальных статусов и ролей — адвокаты, арбитражные управляющие;
- Ключевые ценности — свободы и права доверителей, поддержание высокого качества юридических услуг;
- Регламентация — получение, приостановление и прекращение статусов арбитражного управляющего или адвоката регламентируются федеральным законодательством;
- Наличие регламентирующих и надзорных учреждений — для адвокатов таким органом является Адвокатская Палата, и в определенной части Министерство Юстиции РФ, а для арбитражных управляющих — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр);
- Система санкций — к адвокатам и арбитражным управляющим применяются специальные санкции, начиная от замечания и заканчивая лишением статуса;
- Символы — символика сообщества адвокатов имеет исторические и культурные корни. Знак российского адвоката создан на основе Знака присяжного поверенного, утвержденного по решению Госсовета России указом Александра II 31 декабря 1865 года.

Несмотря на то, что лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, в силу действующего законодательства формально относятся к субъектам профессионального судебного представительства, они не могут являться частью института профессионального судебного представительства. Это обусловлено, в том числе, отсутствием регламентации, отсутствием специальных надзорных

учреждений, отсутствием специальных санкций, отсутствием культурной символики.

Представляется, что процесс институционализации профессионального судебного представительства не является завершенным и требует продолжения реформирования для достижения основной и самой важной цели его существования — защиты прав и законных интересов доверителей.

Список литературы

1. Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина, Л. Т. Толубаева, Н. В. Корж, Е. С. Тарханова Социология: социальная структура и социальные институты: учеб. пособие /;. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. — С. 46–47.
2. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб., 2009. С. 273–275.
3. Решение Совета ФПА РФ от 17 сентября 2015 г. Протокол № 2 «Об утверждении Положения о нагрудном Знаке российских адвокатов» URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-on-approval-of-the-regulations-on-the-badge-of-the-russian-lawyers/> (дата обращения 01.02.2024).

УДК 342.51

Цифровая трансформация государственного управления и проблемы его административно-правового регулирования в условиях цифровизации

Малышева Роксана Оганнесовна

старший преподаватель кафедры Публичного и частного права
Института экономики и права Петрозаводского государственного университета

Русакowa Дарья Александровна

студент магистратуры кафедры Публичного и частного права Института экономики
и права Петрозаводского государственного университета

***Аннотация:** По мере реализации мероприятий, предусмотренных различными программными документами, формировалась инфраструктура электронного взаимодействия при предоставлении государственных услуг (построение системы межведомственного взаимодействия, создание единого портала государственных и муниципальных услуг, единая система идентификации и аутентификации), происходил постепенный переход на предоставление в электронном виде сначала отдельных административных процедур (подача заявления, запись на личный прием, выдача результата услуги и др.), а впоследствии и отдельных государственных услуг.*

***Abstract:** As the measures envisaged by various program documents were implemented, the infrastructure of electronic interaction in the provision of public services was formed (construction of an interdepartmental interaction system, creation of a unified portal of state and municipal services, a unified system of identification and authentication). There was a gradual transition to electronic provision of some administrative procedures (submission of an application, appointment for a personal visit, issuance of the result of the service, etc.), and later on, the infrastructure of electronic interaction in the provision of public services was formed (construction of an interdepartmental interaction system, creation of a unified portal of state and municipal services, a unified system of identification and authentication).*

***Ключевые слова:** административное право, государственное управление, цифровизация, исполнительная власть, цифровая трансформация.*

***Keywords:** administrative law, public administration, digitalization, executive power, digital transformation.*

Стремительное развитие новых технологий определило необходимость цифровизации практически всех сфер деятельности людей. Сегодня, успешность социально-экономического развития государства, всецело зависит от использования и внедрения цифровых технологий, о чем свидетельствует Указ Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года», содержащий предписание о скорейшей цифровизации государственного управления.

Согласно, федеральному проекту: «Цифровое государственное управление», обеспечивающему скорейшее внедрение цифровых технологий в область предоставления государственных услуг, предполагается: постепенный переход от бумажных носителей и использование электронных документов, при оказании государственных услуг; предоставление их в режиме реального времени; установление реестра, использование которого обеспечивает доступность оказания государственных услуг наиболее широкому кругу пользователей; создание комплекса мер по решению наиболее жизненных ситуаций с помощью суперсервисов; изменение и совершенствование наиболее значимых услуг; разработка предоставления государственных услуг, с учетом исключения проблем в будущем в условиях изменения статуса граждан в государственных и ведомственных реестрах; установление возможностей задействования нескольких каналов связи, при предоставлении государственных услуг населению; устранение человеческого фактора при принятии решений, требующих первостепенного разрешения вопросов, в предоставлении государственных услуг.

В разрешение приоритетных задач, определенных стратегией развития государства, посредством цифровизации предоставления государственных услуг необходимо предпринять следующие действия:

- создать единую цифровую среду доверия, позволяющую гражданам и организациям использовать удаленно информацию, необходимую в осуществлении юридически значимых действий, обеспечить информационное взаимодействие различных публичных систем, удовлетворяющих запросам общества, создать инфраструктуру предоставления государственных услуг в режиме реального времени;
- сформировать единую национальную базу данных граждан и организаций, создать систему управления данными, что обеспечит автоматизи-

зацию процесса принятия решений при предоставлении государственных услуг, разрешающих первостепенные и важные задачи.

Вместе с тем, не менее важной задачей является установление должного правового регулирования предоставления государственных услуг, посредством цифровых технологий, на основе электронной записи в реестре. Также, актуальным является и совершенствование правовой регламентации, предоставления отдельных услуг с использованием суперсервисов и проактивных форм.

Необходимо отметить, что, сегодня, защита предоставления государственных услуг, обеспечивается отечественным федеральным законодательством, в частности ФЗ от 27.12.2019 года № 478 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части внедрения реестровой модели». Таким образом, реализуемая государственная услуга находит отражение в электронном реестре, который согласно правовым нормам имеет юридическую силу. Однако, по мнению многих правоведов, использование реестровой модели сегодня, позволяет идентифицировать, только, выдачу лицензий организациям, на тот или иной вид деятельности.

Проактивная форма предоставления государственных услуг, регламентирована подзаконными актами, согласно которым, предоставление государственной услуги определяется без заявительного характера, уполномоченной публичной структурой, по личной инициативе на основании имеющейся информации, в ее распоряжении. [3]

Однако, законодатель не устанавливает в федеральном законе такой возможности предоставления государственных услуг, определяя обязательным обращение с заявлением в получении услуг от государственных и муниципальных учреждений, возводя это в принцип их предоставления, реализацию права заявителя.

Можно констатировать, что в данной ситуации наблюдается противоречивость правовых норм, нарушение принципа иерархичности, компетентности правовых положений. Несмотря на необходимость расширения сферы регулирования вновь внедряющихся государственных услуг, утверждение их правового обеспечения на уровне подзаконных актов, без внесения изменений в федеральное законодательство, является недопустимым. [4, с. 23]

Еще большие вызовы перед законодателем формирует внедрение в практику предоставления государственных услуг так называемых супер-сервисов. В настоящий момент функционируют пять прототипов «супер-сервисов» (рождение ребенка; поступление в вуз онлайн; переезд в другой регион; оформление европротокола онлайн; цифровое исполнительное производство) и планируется создание еще двадцати. «Суперсервис» предполагает предоставление заявителю комплекса государственных услуг, сгруппированных в связи с той или иной жизненной ситуацией, с использованием единого портала государственных услуг.

Благодаря значительным сведениям удается эффективно увеличить качество подготовки прогноза и модели социальных, экономических, культурных, политических, демографических и миграционных процессов. Это позволит увеличить государственные возможности по управлению в эпоху цифровых возможностей. Новшества в области цифровых возможностей позволяют значительно поменять обычные подходы по подготовке плана, мониторинга, оценке итогов структур государства. Объединение сведений из разных источников, работа с такими источниками сведений, которые неструктурированы, либо отчасти структурированы, апробация некоторых инициатив в пределах испытаний, которые находятся под контролем, включение постоянного сбора в область подготовки, мониторинга, оценки регулирования со стороны государства предоставят возможность государству наиболее эффективно определять и разрешить проблемные моменты сегодняшнего времени, подготавливать прогноз и вовремя реагировать на проблемные моменты в дальнейшем.

Введение отдельных инструментов управления по результатам для мониторинга и осуществления отдельных видов государственных функций (в том числе государственных услуг, контрольно-надзорных функций, лицензирования) повлекло за собой разработку отдельных прикладных программных продуктов, в том числе:

- информационно-аналитической системы (ИАС) «Мониторинг качества государственных услуг» («Ваш контроль»), предназначенной для оценки гражданами качества предоставления государственных услуг;
- информационно-аналитической системы «Контроль», предназначенной для сбора и обработки статистических данных по форме № 1-кон-

троль для оценки эффективности осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в соответствии с требованиями Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;

ИС «Мониторинг (лицензирование)», предназначенной для сбора и обработки статистических данных по форме № 1-лицензирование для оценки эффективности лицензирования, в том числе лицензионного контроля и др.

К системам функционального характера, направленным на оценку степени соблюдения требований, установленных в определенной сфере, можно отнести АИС «Мониторинг государственных сайтов» (gosmonitor.ru), в рамках которой проводится периодическая оценка соответствия информации, размещенной на официальных сайтах федеральных органов государственной власти, действующим нормативно-правовым требованиям. Результаты мониторинга могут использоваться для оценки открытости федеральных органов исполнительной власти.

Для интеграции разрозненных ведомственных решений, содержащих в том числе данные о результативности деятельности, была разработана и внедрена ГАС «Управление» как единое хранилище данных государственных и региональных информационных систем. В настоящее время в составе ГАС «Управление» представлена визуализация данных из отдельных государственных информационных систем, в том числе ИС «Мониторинг (лицензирование)», ИС «Контроль», ИС Федерального казначейства и др.

В качестве еще одного направления применения информационных и коммуникационных новшеств, которые относятся к управлению по итогам в оперативной режимности, выступает образование ситуационных центров на уровне структур власти государства и субъектов нашей страны.

Попытки интеграции с некоторыми внешними системами (например, с ИС Федерального казначейства) решали проблему лишь частично, так как операторы ИАС, направленных на поддержку разработки, мониторинга и оценки инструментов управления по результатам, как правило, не

вливают на функциональность внешних систем, а те не всегда нацелены на предоставление данных в необходимом разрезе.

В-третьих, поскольку функциональность ИАС, направленных на поддержку разработки, мониторинга и оценки инструментов управления по результатам, определяется централизованно оператором системы, зачастую данные функции не полностью удовлетворяют управленческие потребности отраслевых ведомств — непосредственных исполнителей программ и проектов.

Из-за низкой гибкости функционала ИАС образуется надобность в подготовки собственных ведомственных систем, к примеру, в области проектного управления в случае имения общих систем информации и аналитики, которые поддерживают подобные задачи. Указанный подход, во-первых, становится причиной увеличения количества трат государства на ИКТ, а также делают более затруднительной проблему повтора сведений. Также, информатизация ведомств часто образует дополнительные трудности для между ведомственного обмена сведениями, так как отраслевые структуры власти могут не обладать интересом в передачи внутренних сведений о ходе исполнения проектов внешней структурой власти государства.

Четвертое, в изученных примерах ИАС интерпретация результата и эффекта их исполнения в лучшем случае становится причиной оценки дисциплины исполнения или уровня достижения показателей. Изучение результативности на основании сопоставления значений в плане и по факту показателей без использования машинных алгоритмов становится причиной попыток упрощения настоящего в пределах применяемых управленческих методов по итогам, ограничению количества применяемых показателей, а также к смещению баланса интересов и оказанию влияния на интерпретацию итогов анализа и оценки программ.

Исследование мер федерального проекта «Цифровое управление государством» позволяет увидеть, что есть риск сохранности достаточно больших из найденных в данном разделе проблемных моментов. К примеру, для разных управленческих инструментов по итогам до сих пор в планах подготовка, внедрение, а также сопровождение разных ИС и платформ. К примеру, для поддержания управленческих задач в планах проекта подготовка и сопровождение типового облачного заключения по автоматизи-

зации проектной работы структур власти государства; для управления исполнением стратегической документации — платформа цифрового типа для сотрудничества в области управления стратегией для задач взаимодействия лиц, которые принимают участие в подготовки плана стратегии на каждой ступени управления государством в достижении приоритетных направлений стратегии.

В отдельности от первых двух систем в планах подготовка общей платформы цифрового типа по обеспечению работы Президента России, палат Федерального собрания и некоторых иных при исполнении ими собственных полномочий. Три указанных разные системы подготавливаются разными властными структурами. Предполагается улучшение отдельных систем информации и платформ, в пределах которых подразумевается исполнение задач анализа контрольной и надзорной работы и услуг государства.

При этом в состав федерального проекта не включено развитие информационных систем, активно используемых в рамках процедур государственного управления, в частности интегрированной информационной системы «Электронный бюджет»; не включены в состав федерального проекта и мероприятия по цифровизации администрирования государственных доходов.

Таким образом, в целом федеральный проект направлен на поддержку цифровизации тех сфер, на которые в настоящее время нацелена государственная программа «Информационное общество», при этом в какой степени в рамках данной цифровизации будут использованы прорывные цифровые технологии, а в какой — первичные цифровые технологии, особенно в части поддержки принятия управленческих решений, не установлено.

В связи с этим определение направлений использования цифровых технологий для повышения результативности деятельности органов власти в рамках настоящего доклада позволило бы дополнить федеральный проект и конкретизировать предусмотренные в его составе мероприятия.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 400.

2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 2021. № 204
3. Постановление Правления ПФР от 31 мая 2019 г. № 312п «Об утверждении Административного регламента предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации и его территориальными органами государственной услуги по выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал» // СПС Консультант Плюс
4. Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 23.

УДК 34

Юридическая ответственность в исполнительном производстве

Трубина Алина Денисовна

студентка магистратуры по направлению «Прикладная юриспруденция»
Петрозаводского государственного университета

***Аннотация:** Настоящее исследование посвящено вопросам наступления юридической ответственности за нарушение законодательства в сфере исполнительного производства. Также в статье рассматриваются вопросы внесения ключевых изменений в законодательство об исполнительном производстве, с ссылкой на влияние изменения правового статуса судебных приставов-исполнителей на наступление юридической ответственности в отношении последних, как уполномоченных лиц и особых субъектов исполнительного производства.*

***Abstract:** The present study is devoted to the issues of legal liability for violation of legislation in the sphere of enforcement proceedings. The article also considers the issues of introduction of key changes in the legislation on enforcement proceedings. It references the impact of changes in the legal status of bailiff executors on the onset of legal liability in respect of the latter as authorized persons and special subjects of enforcement proceedings.*

***Ключевые слова:** юридическая ответственность, исполнительное производство, юридический факт, государственные гражданские служащие.*

Keywords: legal responsibility, enforcement proceedings, legal fact, state civil servants.

.....

В этой исследовательской работе рассмотрен вопрос определения сущности юридической ответственности в рамках исполнительного производства. Согласно положениям действующего законодательства Российской Федерации, это понятие обладает уникальными признаками, а также к нему предъявляются особые правила классификации. Юридическая ответственность представляет собой процесс применения мер государственного регулирования при совершении субъектами конкретного правоотношения. К наиболее важным признакам отнесены действия в категории принуждения и наличие законодательных предписаний по выбору оптимального метода воздействия на лицо, нарушившее нормы общественного поведения (совершившее преступное деяние). При написании этого исследования автор использовал общие и специальные способы анализа данных, в том числе сопоставление, сравнение, сбор информации из научных источников.

Актуальность оценки понятия юридической ответственности в контексте исполнительного производства подтверждается тем фактом, что сейчас этот институт переживает кризисные времена, являясь проблемным аспектом правовой системы Российской Федерации. Исполнительное производство в течение долгого промежутка времени выступало, как сложная подсистема со специфическими характеристиками правонарушений, с уникальной классификацией видов юридической ответственности. Служба судебных приставов в стране часто сталкивается с ситуациями, когда реализация положений законодательных и нормативно-правовых актов весьма проблематично, или связана с большим количеством противоречий букве закона. Требуется принять меры, способствующие повышению эффективности работы судебных приставов, улучшению показателей взысканий по исполнительным документам. Эта задача не только очень актуальна для правовой системы страны, но и имеет практическое значение, ценность для развития общественных отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

По своей сути юридическая ответственность в исполнительном производстве представляет собой обеспечительную меру государственного

принуждения, которая влечет за нарушением законодательства в сфере исполнительного производства установленные законом неблагоприятные последствия [3]. За последнее время юридическая ответственность в исполнительном производстве претерпела значительные изменения. В первую очередь это связано с отнесением судебных приставов-исполнителей к числу государственных гражданских служащих в связи с реформой от 1 января 2020 года, когда были внесены изменения в содержание ФЗ РФ № 328 от 01.10.2019 года [4].

Получение нового статуса судебными приставами-исполнителями не только способствовало получению определенных прав, гарантий, но и возложило обязанности с новой степенью юридической ответственности. Данный вывод основывается на то, что не только должник и взыскатель являются субъектами исполнительного производства, но и лица, которые непосредственно оказывают содействие исполнительному производству, к которым, в том числе, относятся судебные приставы-исполнители. Так, в соответствии с положениями ст. 19 ФЗ РФ № 118 от 21.07.1997 года [2], ответственность судебного пристава-исполнителя наступает за неисполнение или ненадлежащее выполнение возложенных на него обязанностей.

Отметим также, что законодательство в кругу субъектов анализируемой ответственности называет переводчиков, специалистов, хранителей, которые также подлежат ответственности за ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей действующим законодательством в исполнительном производстве, как таковом. Среди признаков наступления ответственности следует назвать:

1. основанием для наступления данного вида ответственности является виновное нарушение норм законодательства в области исполнительного производства;
2. выражается данная ответственность в установлении в отношении виновного лица определенных лишений;
3. обеспечивается ответственность в исполнительном производстве посредством мер государственного принуждения. Обеспечивают применение мер принудительного характера должностные лица судебных органов и Федеральной службы судебных приставов;

4. к числу субъектов ответственности исполнительного в исполнительном производстве, как нами отмечалось ранее, относятся: взыскатель, должник, а также лица, которые содействуют исполнительному производству.

Следует отметить, что юридическая ответственность в исполнительном производстве может быть наложена по различным основаниям: к примеру, согласно положениям статьи 114 ФЗ «Об исполнительном производстве» банк или иная организация, осуществляющая финансовые операции, привлекается к ответственности за неисполнение в установленный срок исполнительного документа, который предписывает списание денежных средств со счета при условии, что денежные средства были на счете должника. Наступление юридической ответственности в исполнительном производстве следует за отказ должника от содержащихся в исполнительном документе требований по совершению определенных требований, или за воздержание от осуществления данных требований (в соответствии с общими положениями ФЗ «Об исполнительном производстве»). Также наступление ответственности обусловлено нарушениями положений законодательства в сфере исполнительного производства в целом, при этом, данные нормы касаются не только должника, но и лиц, не являющихся должниками [1].

Согласно положениям действующего законодательства в сфере исполнительного производства, на субъекта данной ответственности могут быть возложены как меры административной ответственности, так и уголовной, о чем говорят положения ст. 113 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве». В то же время, теоретики юридической науки говорят, в том числе, о применении в отношении нарушителей законодательства об исполнительном производстве норм гражданско-правовой ответственности, дисциплинарной и штрафной [6, с. 501]. При этом, дисциплинарная и штрафная ответственность в большей мере свойственна именно лицам, замещающим должности государственной гражданской службы. Вместе с тем, в современной юридической науке предлагается разделить ответственность за нарушение норм в сфере исполнительного производства на меры материально-правовой и материально-правовой ответственности. По мнению теоретиков юридической науки, к материально-правовой от-

ветственности следует отнести административную, гражданско-правовую ответственность, уголовную, и дисциплинарную [4, с. 28].

Подводя итог проведенного исследования, следует отметить, что институт исполнительного производства, как и многие другие институты, не лишен проблемных сторон и на данном этапе можно говорить о развитии данного института, нежели о его эффективности. Определенные изменения в положение и ответственность непосредственно судебных приставов-исполнителей внесли изменения от 2020 года. Вместе с тем, современная теория права говорит о том, что позиция о необходимости становления исполнительной ответственности, в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, является несостоятельна, поскольку на данном этапе достаточно затруднительно качественно решить вопросы, которые возникают в результате принудительного исполнения определенных исполнительных документов. В то же время исполнительное производство выступает в качестве комплексного явления, а процесс принудительного исполнения имеет неразрывную связь с применением и мер ответственности.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1; СЗ РФ. 2024. № 1 (часть I). ст. 30.
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. ст. 3590; СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). ст. 8976.
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. ст. 4849; СЗ РФ. 2024. № 1 (часть I). ст. 20.
4. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 40. ст. 5488; СЗ РФ. 2023. № 51. ст. 9138.

5. Гуреев В.А., Гушин В. В. Исполнительное производство: Учебник (4-е издание, исправленное и дополненное). — М.: Статут, 2014. С. 28.
6. Савенков Д. И. Юридическая ответственность в исполнительном производстве // В сборнике: Инновационные подходы в современной науке. материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. 2019. С. 501.

УДК 34.4414

Особенности применения и реализации смарт-контрактов в гражданско-правовом обороте

Краснова Арина Сергеевна

студент магистратуры Поволжского института управления
имени П. А. Столыпина

***Аннотация:** Статья посвящена анализу реализации и применения смарт-контрактов в контексте технологии блокчейн. Смарт-контракты предоставляют возможность автоматического исполнения контрактов, обеспечивая эффективные цифровые транзакции в децентрализованных информационных системах. Однако существует недопонимание термина «смарт-контракты», вызывающее затруднения в толковании среди юристов и разработчиков. Статья исследует возможность существования смарт-контрактов в гражданско-правовых договорах, опираясь на анализ понятия договора по законодательству Российской Федерации.*

***Abstract:** The article is devoted to analyzing the implementation and application of smart contracts in the context of blockchain technology. Smart contracts provide the possibility of automatic contract execution, enabling efficient digital transactions in decentralized information systems. However, there is a misunderstanding of the “smart contracts” term, causing interpretative difficulties among lawyers and developers. The article explores the possibility of smart contracts’ existence in civil law agreements, relying on the analysis of the concept of contract under the legislation of the Russian Federation.*

***Ключевые слова:** смарт-контракты, технология блокчейн, гражданско-правовые договоры, децентрализованные информационные системы, исполнение контрактов, оферта, акцепт.*

Keywords: *smart contracts, blockchain technology, civil law contracts, decentralized information systems, contract execution, offer, acceptance.*

Реализация и применение смарт-контрактов — это важный шаг в развитии технологии блокчейн, которая позволяет автоматически исполнять контракт, смарт-контракты могут позволить использовать систему цифровых и открытых транзакций между пользователями сети в рамках децентрализованных информационных систем.

Термин *smart-contracts* (от англ. умный договор) зачастую понимают неправильно, что приводит в замешательство многих юристов. Многие разработчики и программисты толкуют понятие *smart-contracts* как разновидность договора, хотя данное явление не имеет никакого отношения к привычному нам правовому договору и зачастую является обозначением электронной программы [1]. Справедливо появляется вопрос, возможно ли вообще существование смарт-контрактов в сфере гражданско-правовых договоров?

Из анализа понятия договора, на основании статьи 420 ГК РФ, можно определить, что смарт-контракт подходит под данное описание, поскольку:

1. Как и многие гражданско-правовые договоры представляют собой передачу имуществу во владение другой стороне, так и смарт-контракт регулирует экономические отношения обмена между его участниками, но только в интернет-среде.
2. Реализация любого гражданско-правового договора, в том числе и смарт-контракта, проходит через выражение воли участников. Стоит отметить, смарт-контракт размещает в системе блокчейн и его видят все участники, выражающие волеизъявление в его заключении, а это значит, что он является открытым. Вывод — участник по своей воле и во исполнение своих интересов становится участником контракта, что соответствует закону с гражданско-правовой точки зрения [2].
3. После заключения смарт-контракта между его участниками возникают определенные договорные обязательства. После совершения таких действий лицо является связанным условиями такого договора, хотя,

как будет показано далее, характер такой связанности существенно отличается от возникающего в традиционных договорах [3].

Как для заключения любого гражданско-правового договора, так и смарт-контракта, необходимо наличие оферты и акцепта. При этом оферта должна содержать всю необходимую информацию о предлагаемой сделке и её существенных условиях, которые будет содержать договор. Особенности оферты и акцепта в смарт-контракте выступает то, что они выражаются в таких формах:

- письменная, которая заключается в системе блокчейн. На данной стадии сторонами смарт-контракта обговариваются существенные условия договора, сроки и др. Здесь могут применяться положение о рамочном договоре, которые закреплены в статье 429.1 ГК РФ.
- в форме *click-wrap*, которая подразумевает принятие смарт-контракта с помощью заполнения данной формы, в виде постановки шелком мыши в поле «Я согласен».

Заключение смарт-контрактов может осуществляться при принятии клиентом общих условий сделок, представляющих собой стандартные условия, разработанные контрагентом. В данном контексте используется модель договора присоединения в соответствии со статьей 428 Гражданского кодекса Российской Федерации. В этом случае сторона, создавшая данные стандартные условия, обязана обеспечить их доступность на своем веб-ресурсе. Формулировки таких условий должны быть ясными и исключать разночтения.

В соответствии с пунктом 2 статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации, нельзя оспаривать тот факт, что смарт-контракт был исполнен при помощи компьютерной программы. Однако имеются определенные исключения, позволяющие оспорить это утверждение, такие как присутствие третьего лица, вмешивающегося в исполнение смарт-контракта, что подразумевает случаи незаконного воздействия на функционирование программы.

Сложности в применении смарт-контрактов в контексте договорных отношений частично обусловлены конфликтом между текстом (письменным соглашением) и программным кодом [4]. Статья 431 ГК РФ предназначена для урегулирования вопросов толкования условий договора,

поскольку сформулированные сторонами условия часто бывают недостаточно конкретными, двусмысленными и содержат право выбора одной из сторон. Эти условия часто включают оценочные категории, например, «разумная осмотрительность при совершении действий», «максимальное приложение усилий», «требование выплаты соответствующей компенсации или передачи имущества» и так далее. В настоящее время программный код неспособен корректно интерпретировать подобного рода условия.

Вопросы о признании недействительными положений смарт-контрактов становятся объектом активных дебатов в научном сообществе. В силу автоматического характера исполнения таких контрактов существует возможность использования в качестве объекта соглашения вещей, подпадающих под ограничения оборота. Также возможны сценарии заключения смарт-контрактов, явно запрещенных законодательством, а также с неуполномоченными участниками, включая несовершеннолетних или лиц, признанных недееспособными. Зарубежные исследования подчеркивают сложность возможного применения норм, регулирующих недействительность сделок, в контексте работы с смарт-контрактами [5].

При рассмотрении возможности оспаривания смарт-контрактов по тем же основаниям, что и электронных договоров, возникает проблема отсутствия реальных механизмов принуждения к исполнению и восстановления прав в случае смарт-контрактов. Некоторые исследователи в этом контексте высказывают концепцию «токенизации права», предполагая, что наличие права определяется технологическими параметрами. Тем не менее, обеспечивая обратимость смарт-контрактов, можно столкнуться с потерей их основной ценности — автоматического исполнения условий сделки.

Таким образом, аналогично другим инновационным продуктам на начальных стадиях развития, возникают проблемы гражданско-правового регулирования смарт-контрактов, которые могут быть решены в процессе усовершенствования как технологий, так и правовых механизмов.

Список литературы

1. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — Москва: Проспект, 2020. — 640 с.

2. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. — С. 94–117.
3. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. — С. 31–54.
4. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. — С. 1–4.
5. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lexrussica, 2019. № 7 (152). — С. 108–116.

УДК 34

Основные проблемы системы органов прокуратуры и пути их решения

Очиров Баин Сергеевич

*магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

***Аннотация:** В статье исследуются основные проблемы системы органов прокуратуры и пути их решения.*

***Abstract:** The article investigates the main problems of the system of prosecutor's office bodies and ways of their solution.*

***Ключевые слова:** прокуратура Российской Федерации, система органов прокуратуры.*

***Keywords:** prosecutor's office of the Russian Federation, system of prosecutor's office bodies.*

В наши дни как никогда ранее обществу необходима действенная система законности и порядка. Таким оплотом правопорядка в стране является прокуратура. Согласно 129 статье Конституции, она представляет собой

единую федеральную централизованную структуру органов, обеспечивающих контроль за исполнением Основного Закона России и законодательства, надзор за соблюдением прав и свобод граждан, уголовное преследование в рамках своих полномочий, а также реализующих прочие функции. [1]

В настоящее время прокуратура представляет собой систему единых федеральных органов, в задачу которых входит осуществление надзора от имени государства. Функции прокуратуры определяются Конституцией РФ и федеральными законами, основным из которых является федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». [2].

Сейчас прокуратура — это совокупность единых федеральных структур, призванных осуществлять контроль от лица государства. Роль прокуратуры закреплена в Конституции РФ и федеральных законах, ключевым из которых считается федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [2]. Основные направления деятельности ведомства — это надзор за исполнением законов, соблюдением прав человека, а также поддержание государственного обвинения в суде. Работники прокуратуры следят за законностью в подведомственных сферах, оперативно реагируя на выявленные нарушения. Таким образом, прокуратура выполняет чрезвычайно важную роль гаранта верховенства закона и правопорядка в нашей стране. От эффективности ее работы во многом зависит уровень законности в государстве.

Полномочия и функции, а также организация прокуратуры определяются федеральным законом. Сегодня это система единых федеральных органов по надзору за законностью согласно Конституции и принятым законам, в первую очередь — Федерального закона от 17.11.1995 № 168-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»

В своей многогранной работе по укреплению законности и правопорядка прокуратура России использует обширный набор полномочий. Ключевыми сферами прокурорского надзора являются: контроль за соблюдением законодательства, обеспечение защиты прав и свобод граждан, надзор за законностью действий судебных приставов, правоохранительных и пенитенциарных органов. В частности, сотрудники прокуратуры проверяют работу полиции, следствия, исправительных учреждений

на предмет совпадения с буквой закона и интересами общества. Особое внимание уделяется предупреждению и пресечению нарушений в данных структурах. Таким образом, деятельность прокуратуры охватывает весь спектр правоохранительной системы и играет важнейшую роль в обеспечении законности в стране.

Взаимосвязь структуры и функций прокуратуры — залог ее эффективности. Принципы деятельности органов прокуратуры выводятся из смысла ряда ее статей Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», хотя прямо и не прописаны, к такому примеру можно отнести принцип единоначалия, однако ряд нормативных положений дают основание сформулировать его. Система принципов организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации включает в себя:

1. Принцип законности — все решения и действия прокуроров должны основываться на законе.
2. Принцип единства и централизации — единая централизованная система органов прокуратуры с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим.
3. Принцип независимости — при осуществлении своих полномочий прокуратура независима от властных структур.
4. Принцип гласности — информирование общества о работе органов прокуратуры.
5. Принцип законности деятельности прокуратуры.

Названные принципы имеют общий (универсальный) характер. Это означает, что каждый из них находит отражение не только в организации органов прокуратуры, но и в самой деятельности. [4, с. 88]

Эти базовые принципы определяют специфику построения и функционирования прокурорской системы России на современном этапе. Их соблюдение призвано обеспечить эффективность надзора за исполнением законов.

Необходимо отметить, что структура органов прокуратуры разветвлена: военные, транспортные, природоохранные прокуратуры; прокуратуры субъектов, городов и районов, а также приравненные к ним прокуратуры. Разнообразие специализаций отражает многогранность задач.

Целью данного исследования стал анализ факторов, препятствующих результативности прокуратуры, и выработка стратегий для преодоления

этих барьеров. В фокусе внимания — выявление узких мест в работе, которые снижают общую производительность и качество. На основе текущих практик формируются предложения трансформации, повышающие эффективность ключевых процессов. Подход с акцентом на поиск новых возможностей для роста — ключ к разрешению системных проблем и выводу деятельности прокуратуры на новый уровень.

Организация работы прокуратуры — это динамичный комплекс взаимосвязанных и скоординированных действий, направленных на эффективное функционирование для достижения поставленных целей. В его основе — информационная деятельность, планирование, прогнозирование и контроль, базирующиеся на нормативно-правовой базе и организационных документах. Учитывается иерархия должностей и распределение обязанностей между работниками. Такой подход позволяет оптимизировать работу для реализации функций и задач прокуратуры в современных условиях её деятельности.

Роль управления в деятельности прокурора возрастает в плане повышения результативности надзора и иных функций по укреплению законности. Прокурор — организатор, руководитель коллектива и надзирающий одновременно. Совершенствование организационной составляющей управления положительно сказывается на функционировании подчинённых. Уровень профессиональной подготовки и умение руководить — залог эффективности прокуратуры. От того, насколько грамотно прокурор организует работу и управляет коллективом, зависят общие результаты. Руководитель должен сочетать навыки менеджмента и глубокие правовые познания. Это ключ к максимизации производительности и выполнению стоящих задач.

Можно вспомнить реформу прокуратуры от 2011 года, которая кардинально изменила полномочия прокуратуры и следствия. Разделение органов, а также их функций ограничило полномочия прокурорского надзора на досудебной стадии, что негативно сказывается на работе прокурорского органа. Еще Ю. Я. Чайка отмечал, что «Должно быть единое следствие, за исключением, может быть, каких-то государственных преступлений, которые должны остаться в подследственности ФСБ».

Как отмечают сотрудники, эффективность работы снижает избыток отчетности и совещаний. Не менее остро стоит проблема кадров. Завы-

шенные требования к кандидатам вкупе с высокой нагрузкой порождают дефицит кадров.

Решение видится в оптимизации документооборота и более гибких подходах к подбору персонала с учетом специфики работы и региональных особенностей. Это повысит эффективность прокурорского надзора. Помимо обозначенных проблем, существуют и другие вызовы, влияющие на результативность прокуратуры в уголовном судопроизводстве и организации её работы. В частности, важно достичь высокого уровня законности, обеспеченного деятельностью прокуроров. Это предполагает минимизацию временных затрат и эффективное применение надзорных полномочий. Ещё один приоритет — акцент на профилактике нарушений закона, а не последующем реагировании. Решение этих задач повысит качество и оперативность прокурорского надзора. А главное — укрепит законность и правопорядок посредством системной профилактической работы, а не точечного устранения нарушений.

Кроме того, важно повысить качество прокурорского надзора. Это позволит достичь высокого уровня законности при минимальных временных затратах. Акцент следует сделать на профилактике правонарушений. Залог успеха — добросовестность сотрудников. Обеспечивая права граждан, они не должны создавать опасность для общества. Развитие законодательства о прокуратуре должно опираться на достижения науки с учетом исторического опыта. Совершенствование надзора заключается в устранении проблем, возникших из-за несоответствия принципам и несвойственных функций. Это повысит эффективность прокуратуры.

Главная миссия прокуратуры — охрана единства правового пространства, а не подмена иных ветвей власти. В частности, борьба с преступностью — прерогатива правоохранителей. Для повышения эффективности надзора целесообразно наделить прокуроров полномочиями приостанавливать действие противоречащих закону актов и решений муниципальных органов. Это требует законодательного закрепления. Также важно вернуть Генеральному прокурору право законодательной инициативы, поскольку сейчас он лишь по вопросам правотворческой деятельности вынужден обращаться со своими предложениями к субъектам, обладающим таким правом. Для обеспечения законности в высших эшелонах власти Генеральный

прокурор должен получить возможность инициировать в Конституционном Суде проверку конституционности актов Президента и Правительства. Такое расширение полномочий усилит роль прокуратуры как гаранта верховенства права и единства правового пространства.

Подводя итоги анализа основных функций, организации и полномочий прокуратуры, можно сделать вывод о её ключевой роли в системе государственной власти. Деятельность прокуратуры — неотъемлемая часть процесса становления правового государства.

Предложенные пути решения существующих проблем повысят эффективность прокуратуры, так и Конституционного Суда. Расширение взаимодействия между ними будет способствовать упрочению законности и единства правового пространства в Российской Федерации.

Модернизация прокурорского надзора и совершенствование механизмов обеспечения конституционных норм — важнейшие факторы построения подлинно правового государства, отвечающего вызовам современности.

Прокуратура — краеугольный элемент в механизме, обеспечивающем соблюдение законности в стране. Ее практическая работа крайне затруднена в силу коррупционности должностных лиц, не очень высокого уровня гражданского правосознания, остро стоящих социальных и экономических проблем [3 с. 20].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) .
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 30.12.2020).
3. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — Москва: Издательство Юрайт, 2022.— 474 с.
4. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов [и др.]; под редакцией А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева.— 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023.— 483 с.— (Высшее

образование). — ISBN 978–5–534–13962–4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 88 — URL: <https://www.ugait.ru/bcode/511848/p.88> (дата обращения: 10.01.2024).

УДК 34

Принцип единства системы публичной власти: конституционное толкование и реальная практика

Соколов Антон Дмитриевич

студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

***Аннотация:** Анализ изменений в конституционном законодательстве и толковании норм Конституции РФ в совокупности с реальной практикой помогут выявить последовательность и определить ориентиры для дальнейшего развития принципа единства системы публичной власти, а также рассмотреть проблемные вопросы ее толкования. Методы исследования, используемые в данном исследовании, включают исследование содержания федерального законодательства, нормативных правовых актов субъектов РФ, муниципальных правовых актов, а также материалов судебной практики, с использованием системного подхода при их изучении.*

***Abstract:** The analysis of changes in the constitutional legislation and interpretation of the norms of the Constitution of the Russian Federation in conjunction with real practice will help identify consistency and define guidelines for further development of the principle of unity of the public power system, as well as to consider problematic issues of its interpretation. Research methods used in this study include the study of the content of federal legislation, normative legal acts of constituent entities of the Russian Federation, municipal legal acts, as well as materials of judicial practice, using a systematic approach in their study.*

***Ключевые слова:** принцип единства, система публичной власти, конституционное законодательство, федеральное законодательство, конституция РФ, нормативные правовые акты, муниципальные правовые акты, материалы судебной практики, толкование, практика.*

***Keywords:** principle of unity, system of public authority, constitutional legislation, federal legislation, Constitution of the Russian Federation, normative legal acts, municipal legal acts, materials of judicial practice, interpretation, practice.*

Идея принципа единства системы публичной власти (далее — СПВ) всегда занимала важное значение в отечественной конституционно-правовой доктрине и практике Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ). Внесенные изменения в 2020 году, одобренные в ходе общероссийского голосования, дополнили текст Основного закона новым понятием «система единой публичной власти».

Зарождение принципа единства СПВ восходит к воззрениям Шарль Луи де Монтескье, который писал не только о принципе разделения властей, но и указывал на необходимость создания государственных органов с функциональным разграничением, что было отмечено в исследованиях русского ученого Н. М. Коркунова [14, с. 373].

В свою очередь, многие исследователи, начиная с Джона Локка, подчеркивают разделение властей, как по горизонтали, так и по вертикали, с тесной связью между центральной федеративной властью и регионами, а также институтом местного самоуправления.

Так, в ст. 10 Конституции РФ закреплён принцип разделения властей. Указанный принцип является обязательным на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ, что нашло свое отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П [6].

Л. А. Тхабисимова подчеркивает неотъемлемость принципа разделения властей в Конституции и необходимость уточнения этого принципа с учетом исторических обстоятельств и национальной политико-правовой традиции, вместо простого принятия готовой модели государственной власти.

Поправки в Конституцию РФ 2020 года определяют стратегию формирования принципа единства СПВ, включающей государственные органы власти и органы власти местного самоуправления, в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, как указано в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ [1], при отнесении «организации публичной власти» к компетенции РФ.

Важно отметить, что понятие «публичная власть» является новым лишь в контексте закрепления данного правового института в Конституции РФ. В доктрине, а помимо этого практике КС РФ данная дефиниция используется длительное время.

Значимую роль для конструкционного толкования оказали Постановление КС РФ от 24 января 1997 г. № 1-П [7], в котором КС РФ пришел к выводу «о невозможности создания органов представительной и исполнительной государственной власти в городских и сельских поселениях районов субъекта РФ» и Постановление КС РФ от 15.01.1998 № 3-П [8], в котором было отмечено, что «публичная власть может быть и муниципальной».

Подчеркивается, что КС РФ впервые исходя из сказанного согласился с тем, что органы местного самоуправления в совокупности с федеральными и региональными органами власти представляют собой форму публичной власти.

КС РФ в своем постановлении от 01.12.2015 № 30-П [9], подчеркнул необходимость создания единой СПВ в государстве, которая должна быть обеспечена устройством государственных и муниципальных органов власти.

Стоит отметить мнение Н. С. Бондаря, который высказывает солидарность с вышеупомянутой позицией КС РФ, подчеркивая, что «местное самоуправление должно развиваться вместе с государственным руководством для выполнения социальной функции государства, которая распределена между всеми уровнями публичной власти на основе принципов совместности и субсидиарности» [12, с. 185].

Конституционный Суд РФ описывал единство СПВ, как принцип до внесения поправок в Конституцию РФ, указывая, что данный принцип вытекает из основных принципов конституционной системы РФ. Данная позиция соответствует предыдущей практике КС РФ, где использовались термины «публичная власть» и «публичные функции».

Встреча В. В. Путина с вице-премьером О. Ю. Голодец, состоявшаяся в октябре 2019 года, привела к выражению мнения о необходимости эффективной координации деятельности всех уровней власти России, как государственной, так и муниципальной. Эта координация должна обеспечиваться необходимыми ресурсами и одновременно соблюдать все принципы, закрепленные в Конституции РФ.

Понятие «публичная власть» в тексте Конституции РФ не раскрыто, несмотря на обсуждение этого вопроса рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ.

С. А. Авакьян предложил следующее определение понятия «публичная власть» в проекте ст. 70.1 Конституции РФ: «На всей территории страны обеспечиваются верховенство и обязательность решений публичной власти как власти многонационального народа России. Публичную власть осуществляют федеральная государственная власть, государственная власть субъектов РФ и местное самоуправление при содействии и под контролем институтов гражданского общества» [15, с. 20].

С. А. Авакьян определил государственную и муниципальную власть различными формами одной публичной власти народа в России. Он также отмечал, что начиная с 2018 года не возникают сомнения относительно включения муниципальной власти в публичную власть.

Многие юристы подчеркивали необходимость закрепления данной системы законодательно, и важным шагом в этом направлении стало предложение Президента РФ В. В. Путина внести поправки в Конституцию РФ.

С. А. Авакьян предлагает включить третий элемент — общественную власть, как «власть различных объединений и коллективов граждан в отношении лиц, состоящих в этих объединениях и коллективах, а помимо этого их внутренних подразделений» [15, с. 22].

Сущность идеи заключается в том, чтобы учесть значимость общественных организаций в процессе разработки и принятия решений, а также для более демократической организации жизни в обществе, как сложного социально-политического и культурного института.

Примером, иллюстрирующим значимость идеи гражданского общества для конституционного регулирования до 1993 года, служит специальный раздел «Гражданское общество» в проекте Конституции РФ, составленном Конституционной комиссией. В ныне действующей Конституции 1993 года данное положение подтверждается ст. 13, которая основана на принципе политического плюрализма, являющемся одним из фундаментов конституционного устройства современной России.

Е. Б. Султанов утверждает, что данная формулировка статьи не означает, что в систему общественной власти включены только органы, перечисленные в ней. Автор отмечает, что общественная власть включает прямые формы народовластия.

А. А. Горбылёв и В. В. Балытников представляют единую СПВ как общее государственное управление, осуществляемое в интересах всего населения, охраняющее общество от угроз и выполняющее политические и социальные функции для общего блага.

Принцип единства СПВ в конституционном механизме России, имеет огромное практическое значение для современного развития страны. Так, Д. А. Медведев подчеркнул, что без этого принципа существовали коллизии на различных уровнях власти, особенно в муниципальных отношениях и между федеральными, региональными и муниципальными уровнями.

Отмечается, что КС РФ указывал на необходимость соответствия принципов организации публичной власти в России основам конституционного строя, принципам демократии и децентрализации власти.

Принцип единства органов государственной власти предполагает, что вышестоящий орган может устанавливать правила для органов нижестоящего уровня, но не вмешиваться в их компетенцию. Исследование и анализ этого принципа являются основополагающими для изучения современной России. Он предполагает связь государственного аппарата с общими интересами и благом народа. Помимо этого, следует учесть, что изменения федеративной системы должны учитывать и принцип самостоятельности субъектов в определении своей системы органов власти и выборе модели организации власти в РФ.

Соблюдение данного принципа проявляется через:

1. организационно-правовую платформу;
2. функциональные взаимодействия;
3. финансово-бюджетные механизмы.

Организационно-правовое взаимодействие представляет собой активную роль государственных органов в установлении и функционировании структуры иерархического уровня публичной власти, а помимо этого в назначении и освобождении от должностей публичных должностных лиц и прочих принадлежностей данной сферы.

Функциональное взаимодействие представляет собой объединение свободного исполнения каждым уровнем своих полномочий и согласованного функционирования и взаимодействия между органами всех уровней с целью обеспечения единства СПВ.

Финансово-бюджетное взаимодействие касается того, что исполнение полномочий, включая передачу ответственности, а также обеспечиваться достаточным объемом финансовых ресурсов.

Однако следует отметить, что в юридической литературе существуют более широкие концепции иерархических уровней публичной власти, что приводит к более общему пониманию исследуемого понятия.

Необходимо акцентировать внимание на изменениях, которые произошли в составе институтов, входящих в единую СПВ, в связи с принятием ФЗ от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете РФ» (далее — ФЗ № 394-ФЗ). Указанный федеральный закон делает более точным и подробным состав институтов, по сравнению с перечнем, предусмотренным Конституцией РФ.

Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ № 394-ФЗ «единая СПВ включает органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности» [2].

Однако принятие ФЗ № 394-ФЗ не избавило от дискуссионных вопросов конституционного права, о том является ли Президент РФ «институтом» публичной власти, а помимо этого о том, является ли понятие «государственная должность» синонимом понятию «орган государственной власти».

В рамках данного исследования стоит отметить, что государственные корпорации, государственные компании, а помимо этого государственные и муниципальные учреждения являются отдельными от публичной власти и не включаются в нее. Данная проблема также является дискуссионной, поскольку существует мнение, что подобное исключение может привести к ухудшению координации и контроля над ними со стороны государства и органов местного самоуправления.

Другим дискуссионным аспектом проблемы единства СПВ является отсутствие в конституциях (уставах) ряда субъектов РФ норм о судебной власти в контексте принципа разделения властей, например, в Уставе Псковской области [4]. Несмотря на это, на практике судебная власть в субъектах РФ осуществляется мировыми судьями, хотя сегодня этому вопросу не уделено достаточное внимание в конституциях и уставах некоторых субъектов РФ.

Изучая вопрос о принципе единства СПВ, следует упомянуть международные стандарты, которые связаны с организацией вертикали публичной власти, установлением ценностей, которые влияют на качество обеспечения жизни местных сообществ.

Одной из таких ценностей является принцип субсидиарности, который предполагает, что решения должны приниматься на ближайшем возможном уровне к населению, а верхнему уровню остаются задачи, которые нельзя решить эффективно на более низком уровне.

Компаративистский подход к организации системы публичной власти в других странах также важен для оценки развития российской модели. И. П. Кененова провела сопоставление двух основных схем, которые сформировались благодаря самоорганизации территориальных сообществ на Западе — партнерской (англо-саксонской) и агентской (континентальной).

И. П. Кененова пишет: «Россия шла иным путем — в ее истории не было становления независимых торгово-ремесленных средневековых городов, формирования особого аграрного уклада, свойственного Европе, уникального опыта американских колонистов, а именно все это подготовило появление и развитие культуры муниципальной власти на Западе. Вместе с тем крестьянская община, которая еще во времена Российской империи дала импульс развитию системы Советов, в современных условиях уже стала отдаленным историческим фоном и вряд ли в силах повлиять на становление отечественной модели местной публичной власти» [13, с. 1].

Поправки к Конституции РФ открыли широкую возможность подобрать наиболее оптимальные модели к организации единства СПВ в РФ на уровне местного самоуправления. Для этого можно использовать опыт европейских государств. Например, внедрение межмуниципальных структур, проведение локальных референдумов по вопросам местного значения и активное включение частного бизнеса в оказании муниципальных услуг населению.

Важной составляющей исследования организации единства системы публичной власти в РФ является анализ правового статуса специальных территорий, где устанавливаются особые условия осуществления полномочий федеральных, региональных и местных органов власти.

Помимо этого, наблюдается усиление контроля региональной власти над муниципалитетами при непосредственном участии федеральной власти. Такая централизация государственных ресурсов местной власти вызывает вопросы о необходимости адаптации конституционных принципов федерализма и автономии местного самоуправления к новым условиям.

В результате указанных проблем наблюдалось обширное делегирование федеральных полномочий регионам и государственных полномочий местным органам самоуправления. Помимо этого, с 2014 года происходило обратное делегирование, когда муниципальные полномочия лишались местного самоуправления согласно законам субъекта РФ, а затем возвращались к нему с ресурсами государства и руководящими и контролирующими органами.

Такие механизмы позволяли решать возникающие проблемы на местах, однако закономерно вызывали вопрос о предельной мере такого делегирования.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать вывод что система органов местного самоуправления существенно не отличается от государственных органов по своей природе и функциональности, и обе системы должны эффективно взаимодействовать во имя общественного блага. Уникальность местного самоуправления отмечается в тесной близости данного уровня к населению и возможности более широкого использования различных форм непосредственной демократии, когда вопросы местного значения решаются прямо населением самостоятельно.

Необходимо принятие отдельного закона о единой СПВ в РФ, в котором будут решены указанные проблемы, полностью или частично. На основе проведенного исследования, в рамках реализации принципа единства СПВ, следует:

1. Расширить компетенцию субъектов РФ по ряду вопросов;
2. Увеличить собственную ресурсную базу субъектов РФ и законодательно закрепить невозможность передачи федеральных полномочий без соответствующих ресурсов;
3. Применять дифференцированный подход к управлению регионами, сохраняя их правовой статус, но учитывая конкретные особенности каждого субъекта РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ и изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.01.2024).
2. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ // «Российская газета», 11.12.2020, № 280.
3. Распоряжение Президента РФ от 15.01.2020 № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.01.2020, № 3, ст. 251.
4. Устав Псковской области от 12.04.2001 № 1-У (с изм. от 07.04.2023) // «Губернские ведомости» (приложение к газете «Псковская правда»), 18.04.2001, № 73.
5. Проект Федерального закона № 40361–8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 25.01.2022) // — URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2024).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 1, 1996.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 1, 1997.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября

- 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 1998.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2016.
 10. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2020.
 11. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т.— 7-е изд., перераб. и доп. / С. А. Авакьян. — М.: Норма: Инфра-М, 2021.— 936 с. ISBN 978–5–91768–483–3.
 12. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие / Н. С. Бондарь. — М.: Норма, 2008.— 591 с. ISBN 978–5–468–00185–1.
 13. Кененова И. П. Опыт конституционно-правового регулирования взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления в зарубежных странах // Материалы НОЦ КИМС юридического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова за 2021 год. 2021,— 53 с. — URL: <https://www.law.msu.ru/uploads/files> (дата обращения: 10.01.2024).
 14. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. С. 369–387. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003662305> (дата обращения: 01.01.2024).
 15. Чертков А. Н. Единство публичной власти и ее разделение «по вертикали» // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 6. С. 11–27. — URL: <http://igpran.ru/trudy/Chertkov.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).

УДК 339.54.012

Основания административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности

Кальяк Андрей Михайлович

кандидат юридических наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Берунова Наталия Ивановна

магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

***Аннотация:** В статье рассматривается актуальный вопрос, связанный с основаниями административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Авторами особо подчеркивается, что общественные отношения, которые складываются в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, нуждаются в эффективной административно-правовой охране, поскольку в настоящее время в данной сфере совершается немалое количество правонарушений, которые оказывают негативное влияние, в том числе и на публичные интересы. В связи с этим, в статье проводится анализ административно-правовых мер и оснований для привлечения к административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Авторы приходят к выводу, что основанием административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности является совершение правонарушения в отношении норм КоАП РФ, а субъектами такого вида административной ответственности (например, наложение штрафа) являются лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью.*

***Abstract:** The article considers a topical issue related to the grounds of administrative responsibility in the sphere of entrepreneurial activity. The authors emphasize that public relations, which are formed in connection with the implementation of entrepreneurial activity, need effective administrative and legal protection, because currently a considerable number of offenses are committed in this sphere, which have a negative impact, including on public interests. In this regard, the article analyzes administrative and legal measures and grounds for bringing to administrative responsibility in the sphere of entrepreneurial activity. The authors conclude that the basis of administrative responsibility in the sphere of entrepreneurial activity is the commission of an offense in relation to the norms of the CAO of the Russian Federation, and the subjects of this type of administrative responsibility (for example, of a fine imposition) are persons engaged in entrepreneurial activity.*

Ключевые слова: правовое регулирование, административная ответственность, предпринимательство, деятельность, основания.

Keywords: legal regulation, administrative responsibility, entrepreneurship, activity, grounds.

Поскольку предпринимательская деятельность является одной из сфер взаимодействия государства и экономики, она нуждается в надлежащей государственной поддержке, в частности с помощью административно-правовых средств, то есть специально-юридического механизма влияния на поведение ее субъектов. Иными словами, общественные отношения, которые складываются в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, нуждаются в эффективной административно-правовой охране. Это обусловлено тем, что в указанной сфере совершается немалое количество правонарушений, которые способны не только снизить эффективность предпринимательской деятельности, но и нанести ущерб публичным интересам, в которых отражаются интересы всего общества и каждого его отдельного члена.

Административно-правовые меры направлены не только на противодействие административным проступкам, их применение часто способствует также профилактике и выявлению уголовных правонарушений. В связи с изложенным, насущными являются развитие и совершенствование административно-правового механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности, требующей, в свою очередь, должного теоретического осмысления его содержания и потенциала.

Научная новизна исследуемой темы обусловлена тем, что более ранние исследования хотя и имеют комплексный характер, не могли учесть новых изменений законодательства. Поэтому тема исследования всегда нуждается в новых научных поисках решения проблем с учетом меняющихся реалий и правовой среды. Что касается теории, то среди научной среды нет единого теоретического подхода, что требует также новых подходов к терминологии объекта исследования.

Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности имеет большое значение для государства. Ведь предпринимательство, как и рыночная экономика не имеет врожденного иммунитета

против монополизма, инфляции и спадов деловой активности. Если государство остается равнодушным, эти процессы начинают прогрессировать, нанося немалые экономические и социальные убытки. Предпринимательство также не может самостоятельно решать сложные региональные проблемы, возникающие под влиянием исторических, национальных, демографических и других нерыночных факторов. Для их решения требуется вмешательство государства, его соответствующая политика [2].

Под административно-правовым регулированием следует понимать один из видов регулирующего влияния на общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, осуществляемой уполномоченными органами публичной администрации с помощью многообразного, нормативно закрепленного инструментария — методов и средств.

Как и любому иному виду административных правонарушений, правонарушениям в сфере предпринимательства присущи обязательные признаки административной противоправности, виновности и наказуемости предусмотренными КоАП РФ административно-правовыми санкциями [1].

Анализ главы 14 КоАП РФ позволяет выявить основные признаки административных правонарушений в области предпринимательской деятельности.

Во-первых, основными субъектами данных правонарушений являются индивидуальные предприниматели, должностные лица, юридические лица.

Административные наказания для граждан предусмотрены только в двадцати двух составах из пятидесяти пяти, установленных главой 14 КоАП РФ. Во-вторых, административная ответственность в сфере предпринимательской деятельности может быть установлена как КоАП РФ [1], так и региональными законами об административных правонарушениях на территории субъектов РФ

При этом существует ряд специальных признаков, характеризующих административную ответственность, которая наступает за совершение правонарушений именно в предпринимательской деятельности. Среди них видится целесообразным выделить следующие:

1. фактическим основанием наступления является совершение административного правонарушения в предпринимательской деятельности,

закрепленного соответствующей нормой главы Кодекса об административных правонарушениях;

2. субъектами такого вида административной ответственности являются лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью;
3. предусмотрено наступление для субъекта такого вида административного правонарушения негативных последствий именно материального характера (наложение административного взыскания в виде штрафа, размер которого определяется санкцией соответствующей нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях);
4. привлечение к административной ответственности за правонарушения в предпринимательской деятельности совершается специально уполномоченными субъектами, к которым, в частности, законодателем отнесены органы внутренних дел, органы федеральной налоговой службы, органы Антимонопольного комитета, должностные лица указанных органов.

Таким образом, учитывая вышеупомянутые общие и специальные признаки административной ответственности предлагаем следующее ее определение.

Под административной ответственностью за правонарушения в предпринимательской деятельности необходимо понимать предусмотренные нормами административно-деликтного законодательства вид и меру обязанности субъектов общественных отношений подвергаться мерам административно-правового принуждения за несоблюдение и / или невыполнение законодательно установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности, предусматривающего наступление для лица правонарушителя негативных последствий материального характера.

Как видится, привлечение к административной ответственности за правонарушения в предпринимательской деятельности целесообразно определить, как применение уполномоченными органами (их должностными лицами) к лицу-правонарушителю при наличии необходимых оснований мер административно-правового принуждения за несоблюдение и / или невыполнение законодательно установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности, что влечет за собой наступление негативных последствий материального характера. Важно также учиты-

вать, что привлечение к административной ответственности за правонарушения в предпринимательской деятельности требует наличия таких необходимых оснований [4]:

1. фактическое — факт совершения лицом административного правонарушения в предпринимательской деятельности;
2. юридическое (нормативное) — наличие нормы административно-деликтного законодательства, согласно которой противоправное виновное деяние можно квалифицировать именно как административное правонарушение в предпринимательской деятельности;
3. процессуальное — наличие процессуальных норм, которыми регламентирован процессуальный порядок привлечения виновного лица к административной ответственности, документов, которые должны быть оформлены в соответствии с законодательно установленными требованиями и процедуры (протокол об административном правонарушении в предпринимательской деятельности, постановление суда о привлечении к административной ответственности за правонарушения в предпринимательской деятельности).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Основанием административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности является совершение административного правонарушения в предпринимательской деятельности, закрепленного соответствующей нормой главы Кодекса об административных правонарушениях. При этом субъектами такого вида административной ответственности являются лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью. Предусмотрено наступление для субъекта такого вида административного правонарушения негативных последствий именно материального характера (наложение административного взыскания в виде штрафа, размер которого определяется санкцией соответствующей нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023)// Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.

2. Абрамов, В. Ю. Предпринимательское (хозяйственное) право России: учебное пособие / В. Ю. Абрамов, Ю. В. Абрамов. — Москва: Юстицинформ, 2020. — С. 102.
3. Малолеткина, Н. С. Административное право: курс лекций / Н. С. Малолеткина, П. С. Солоницын. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. — С. 18.
4. Миронов, А. Н. Административное право: учебник / А. Н. Миронов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2021. — С. 92.

УДК 34, 33

Особенности использования государственной информационной системы в сфере управления промышленными предприятиями в Российской Федерации

Сурков Сергей Юрьевич

магистрант кафедры Государственно-правовых дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

***Аннотация:** Статья посвящена анализу нормативного обеспечения внедрения цифровых технологий в обрабатывающих отраслях промышленности в целях повышения эффективности государственного регулирования реального сектора экономики. В статье рассматриваются вопросы формирования цифровой инфраструктуры в промышленности на основе обработки «больших объёмов» данных, а также проблемы цифровой трансформации промышленных предприятий в рамках решения задач достижения устойчивого технологического развития и производства конкурентоспособных товаров в Российской Федерации.*

***Abstract:** The article is devoted to analyzing the regulatory support for the introduction of digital technologies in manufacturing industries in order to increase the effectiveness of state regulation of the real sector of the economy. The article considers the issues of formation of digital infrastructure in industry based on the processing of “large volumes” of data, as well as the problems of digital transformation of industrial enterprises within the framework of solving the problems of achieving sustainable technological development and production of competitive goods in the Russian Federation.*

Ключевые слова: цифровая экономика, государственное управление промышленностью, цифровая трансформация промышленного сектора, большие объёмы данных, государственная информационная система.

Keywords: digital economy, state management of industry, digital transformation of the industrial sector, large volumes of data, state information system.

В условиях современности обеспечение эффективного управления и взаимодействия участников сторон в сфере промышленного сектора требует нового инструментария, способного обеспечить необходимую информационную поддержку современной промышленной инфраструктуры, а также создание конкурентоспособных возможностей в сфере промышленности по сравнению с потенциалом промышленной инфраструктуры иностранных государств. Такие возможности открывает цифровизация промышленного сектора экономики. Государства, которые способны в должной мере освоиться на этом направлении и оперативно реагировать на вызовы современности, перестраивая систему управления производственным сектором в условиях глобальной конкуренции, становятся мировыми лидерами.

В числе лидеров по темпам цифровизации экономики как в государственном управлении, так и в реальном секторе выступают такие страны как Республика Корея, ОАЭ, Гонконг, США, Сингапур, Норвегия, Япония, Израиль, Эстония, [7, С. 8]. Страны этой группы характеризуется не только высоким уровнем цифрового развития, но и опережающими темпами роста экономики. За счёт применения цифровых систем в организации взаимодействия государства и промышленности, эти страны добились лидерства в распространении инноваций и обеспечили надежные основы для будущего роста.

К группе перспективных стран в области цифровизации можно отнести Китай, Россию, Индию, Малайзию, Филиппины, Индонезию, Бразилию, Колумбию, Чили, Мексику. В этих странах общий уровень цифровизации не достаточно высокий, однако цифровое развитие (далее — ЦР) происходит динамично и устойчиво. По оценкам Всемирного банка, уровень цифровизации госуправления в России в сфере развития госуслуг,

а помимо этого государственных систем, например «гособлако» и других платформ достиг достаточно высокого уровня и составил 0,897 балла [16], обеспечив тем самым вхождение России в первую десятку лидеров цифровизации госуслуг.

К проблемным странам, в рамках данной градации, относятся ЮАР, Пакистан, Перу, Египет и Греция [14, С. 82]. В этих странах отмечаются достаточно низкий уровень ЦР и медленные темпы роста инноваций, что негативно отражается на темпах их промышленного развития.

Вопросы необходимости внедрения ИКТ в России, предназначенных для сбора и последующей обработки соответствующей информации в секторе государственного управления и промышленности, поднимались многими авторами, в публикациях которых, в частности, отмечалась, что «необходимость усиления активности применения информационных систем связана с возрастанием потребностей пользователей госуслуг и коммерческих организаций в сфере промышленности в сервисах взаимодействия с государственной властью» [10, С. 109].

По сути, к череде общеизвестных видов экономики, среди которых обычно выделяют традиционную, административно-командную, рыночную и смешанную экономики, добавляется идущая на смену предшествующим вариантам цифровая экономика, под которой понимается «система экономических отношений между хозяйствующими субъектами, государством, а также объектами, которые способны генерировать, накапливать, обрабатывать и обмениваться информацией посредством ИКТ через сеть Интернет» [11, С. 95].

В своих исследованиях многие авторы прямо указывают на то, что создание цифровой экономики (далее — ЦЭ) представляет собой новый способ организации крупных промышленных структур и предпринимательской деятельности на основе информационной среды и специальных цифровых технологий [18, С. 51]. Таким образом, формирование ЦЭ невозможно без создания соответствующей инфраструктуры для обработки «больших данных», развитой системы нормативного правового регулирования, а помимо этого и должного обеспечения информационной безопасности при передаче данных. По сути, внедрение цифровизации для взаимодействия государства и предпринимательства можно сравнить

с проектом внедрения международных стандартов управления качеством. Возможные пробелы и несогласованность действий в исследуемой области вполне могут привести к ряду проблем продвижения продукции (товаров) и на внутреннем рынке, и на международном рынке.

Для формирования условий, необходимых для перехода к ЦЭ, на основании распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика РФ» (далее — Программа). Положения указанного документа направлены на эффективное развитие абсолютно всех сфер социально-экономической деятельности, а помимо этого обеспечения эффективного взаимодействия бизнеса, научно-образовательной сферы, государства и граждан. Приоритетными направлениями Программы выступают следующие: рост конкурентоспособности на глобальном рынке во всех экономических сферах РФ; обеспечение всеми необходимыми условиями для формирования и последующего развития высокотехнологичных производств; недопущение образования и наступления новых барьеров и ограничений в традиционных сферах экономики, а помимо этого и во вновь создаваемых высокотехнологичных производствах. Для достижения этих целей, согласно этому документу, должна быть образована самодостаточная среда, способная обеспечить комфортные условия, направленные на развитие технологических платформ, эффективное взаимодействие субъектов и отраслей экономики, преимущественно на уровне «ключевых институтов, где создаются соответствующие условия, способствующие эффективному развитию ЦЭ (например, нормативное регулирование; кадры и образование и т.д.)» [3].

Для формирования необходимой цифровой инфраструктуры, т.е. системы обеспечения развития технологий, основываясь на обработке довольно больших объемов данных, в России принята «Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг.» (далее — Стратегия). Данная Стратегия была принята на основании Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203. В документе указывается, что «конкурентным преимуществом на мировом рынке обладают государства, отрасли экономики которых основываются на технологиях анализа больших объемов данных» [2]. В Стратегии отмечается, что для формирования информационного пространства в экономике необходимо разработать соответствующие меры, направленные

ные на эффективное использование современных информационных платформ с целью распространения достоверной и качественной информации российских обрабатывающих производств, а помимо этого существует потребность в совершенствовании механизмов законодательного регулирования для достижения целей, определённых в Стратегии.

По мнению Ю. М. Боброва, автора монографии, посвященной вопросам государственной политики в области информации, к основным задачам применения информационных и коммуникационных систем для развития промышленной, социальной сферы, системы государственного управления и обеспечения взаимодействия между ними определяющая роль принадлежит вопросам повышения качества государственного управления, основываясь на цифровых системах мониторинга, поскольку их успешное решение способствует росту эффективности производства, производительности труда, а помимо этого и привлечению инвестиционных денежных средств в производство различных инновационных технологий [9, С. 13].

Отмеченные положения нашли отражение в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». В числе задач, порученных Правительству РФ в документе названы следующие: создание системы правового регулирования ЦЭ, основанной на довольно гибком подходе в каждой сфере отраслей экономики; снятие нормативно-правовых и административных ограничений, препятствующих внедрению цифровых технологий; обеспечение роста производительности труда [1]. Такая постановка задач обуславливается процессами повсеместной цифровизации, которая оказывает влияние на все сферы жизни, поэтому сложившаяся ситуация не может быть проигнорирована ни бизнесом, ни государственным сектором.

Для скорейшего перехода промышленных предприятий на цифровые технологии был утверждён федеральный проект «Цифровые технологии» (далее — Проект), входящий в состав Программы. Цель проекта состоит в обеспечении технологической независимости государства, возможности вывода на рынок различных отечественных разработок и исследований, а помимо этого в ускорении технологического развития отечественных предприятий и обеспечении конкурентоспособности всех продуктов и решений, которые разрабатываются ими на мировых рынках [5].

В дополнение к Стратегии и для достижения высоких темпов устойчивого развития цифровых технологий была утверждена Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности до 2024 года и на период до 2030, в которой было определено, что главной задачей цифровой трансформации (далее — ЦТ) промышленности выступает модернизация и оптимизация управления производственными процессами для обеспечения эффективного роста ВВП, а помимо этого и стабильного роста благосостояния граждан страны [6].

В ходе реализации Стратегии цифровой трансформации намечено создание современной промышленно-производственной структуры, способной гибко реагировать на изменения внутренних и внешних факторов. При создании таких условий промышленные предприятия получают возможность оперативно перенастраивать производственные технологические потоки при изменении мировой конъюнктуры на товары, перестраивать цепочки поставки оборудования в условиях ограничений и мало прогнозируемого изменения стоимости товаров на внешнем рынке.

Однако, как отмечается в работе Е. В. Лавренко и М. Н. Мечникова, реализации ЦТ на промышленных предприятиях препятствуют ряд проблем, включая частичную или полную зависимость от иностранных технологий, затруднения при взаимодействии или кооперации промышленных предприятий из-за разных форматов данных, несоответствие программного обеспечения необходимому уровню информационной безопасности и другие факторы [13, С. 49].

Следует подчеркнуть, что ЦТ промышленного сектора, согласно принятым документам, должна осуществляться на основе инновационного подхода, базирующегося на принципах единства целей и задач для ряда сопряжённых производств, имеющих единый уровень технологического оснащения. Основной целью государственного участия в процессе ЦТ промышленности является обеспечение технологической независимости государства, формирование широких возможностей коммерциализации российских исследований и разработок и рост конкурентоспособности отечественной промышленной продукции на мировом рынке.

Для совершенствования системы государственного регулирования механизмов взаимодействия с промышленными предприятиями была

создана государственная информационная система промышленности (ГИСП) [12].

Первоначально работа сервисов ГИСП была связана с предприятиями оборонно-промышленного комплекса. Основное преимущество ГИСП состоит в целостности и эргономичности системы и ее способности к динамичному развитию согласно вызовам рынков. Созданный в системе ГИСП торговый каталог промышленной продукции, в котором промышленные предприятия размещают информацию о своей продукции и компонентах, входящих в состав изделия, позволил сформировать экосистему инструментов для предприятий ОПК. Это дало возможность перейти от нормативной схемы кооперации, применяемой в условиях государственного оборонного заказа, к модели на основе рейтингов поставщиков и доступности их ресурсной базы. Проведённая модернизация оборонно-промышленного комплекса и достигнутый уровень взаимодействия предприятий ОПК с системой ГИСП позволил вывести производства в этом секторе экономики в лидеры отечественной промышленности. Во избежание спада производства и потери накопленного потенциала необходимо обеспечить переориентацию высокотехнологичного производства с сохранением отраслевой направленности на выпуск продукции гражданского назначения [8, С. 4].

О необходимости трансфера технологий оборонно-промышленного комплекса с задействованием высококвалифицированных кадров и информационно-аналитических систем для выпуска гражданской продукции обсуждалось на совещании 24.01.2018 года в г. Уфа «По вопросам диверсификации производства продукции гражданского назначения организациями ОПК». На этом совещании Президентом РФ была поставлена задача «повысить к 2025 году долю гражданской продукции до 30% от общего объёма продукции ОПК, а к 2030 году — до 50%» [17].

В числе первоначальных шагов по замещению зарубежной продукции, повышению спроса на отечественную гражданскую продукцию и формированию необходимых условий для вывода на рынок новых образцов продукции предлагалось использовать возможности электронного каталога ГИСП. При этом в поручении подчёркивалось, что начинать такое взаимодействие нужно с компаниями, где есть доля с государственного

участия, а продукция, которая будет предлагаться была бы качественной и конкурентоспособной по цене.

В последствии в целях развития инвестиционных инструментов, промышленных предприятий на базе ГИСП был разработан ряд направлений, формирующих инфраструктуру как для инвесторов, так и для инициаторов проектов, включающих витрину инвестиционных проектов, сервисы банковского сопровождения и сопровождения проектного финансирования, поиск мер государственной поддержки, а также сервис мониторинговых форм, необходимый для отслеживания и анализа тенденций в промышленности. Данный набор инструментов системы ГИСП призван обеспечить удобное и качественное взаимодействие государства и бизнеса для успешной реализации инновационных разработок, повышения конкурентоспособности продукции предприятий, формирования соответствующих условий развития существующих и открытия новых производств. Смысл создания ГИСП заключается в формировании единого информационного пространства для работы как промышленных предприятий, так и органов государственной власти с возможностью существенного ускорения документооборота, в частности за счет отказа от передачи данных на бумажных носителях [15, С. 13].

На сегодняшний день, ГИСП является одной из наиболее динамично развивающихся государственных информационных систем для юридических лиц. Основными ее пользователями являются субъекты промышленности, федеральные и региональные органы власти, а помимо этого институты развития и многие иные субъекты. В ГИСП зарегистрировано более 50 тысяч пользователей, из них порядка 35 тысяч являются промышленными предприятиями. Ежедневное количество посетителей ГИСП составляет около 7 тысяч пользователей [4]. Информационная система объединила более 130 опубликованных инвестиционных проектов.

Таким образом, в РФ с учетом международного опыта по внедрению и развитию информационных систем для обеспечения государственного регулирования промышленного сектора экономики, создана правовая основа, необходимая для выстраивания полноправного информационного обмена между хозяйствующими субъектами и государственными органами власти. Упомянутое взаимодействие реализуется посредством

ГИСП, сервисы которого способствуют повышению уровня цифровизации промышленных предприятий и обеспечивают надежность информационного обмена данными. Использование сервисов системы ГИСП позволяет государственным управленческим структурам оперативно собирать первичные статистические данные с предприятий по всем отраслям промышленности и определять направления промышленной политики, а предприятиям, — получать актуальные данные о мерах господдержки и выбирать необходимых производителей и поставщиков товаров.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (Дата обращения 12.12.2023)
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (Дата обращения 12.12.2023)
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (Дата обращения 30.12.2023)
4. Приказ Минпромторга России от 12.08.2021 № 3140 «О внесении изменений в Концепцию развития государственной информационной системы промышленности, утвержденную приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 23.06.2016 № 2091 [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407985/
5. Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии», утверждённый президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельно-

- сти, протокол от 28.05.2019 № 9 [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328937/ (Дата обращения: 23.12.2023)
6. Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390587/ (Дата обращения: 10.10.2023)
 7. Асланов И.И. О рейтинговом анализе стран по уровню цифровой трансформации // Проблемы современной науки и образования. № 2(159). 2021. С. 5–9.
 8. Батьковский А. М. Оценка модернизации производственного потенциала и технического перевооружения предприятий оборонно-промышленного комплекса // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134. С. 1434–1456.
 9. Боброва Ю. М. Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти: конспект лекции. СПб., 2020. 32 С.
 10. Ваславский Я. И. Варианты развития электронного правительства опыт России, США, КНР // Международные процессы, Том 15. 2017. № 1. С. 108–125.
 11. Дьяченко О. В. Дефиниция категории «цифровая экономика» в зарубежной и отечественной экономической науке // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 86–98.
 12. Информационный портал государственной информационной системы промышленности [Электронный ресурс] URL: <https://gisp.gov.ru/main-page/> (Дата обращения 15.11.2023)
 13. Лавренко Е.В., М. Н. Мечникова. Цифровая трансформация промышленности: российский и зарубежный опыт Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. Том 11, № 1. 2022 С. 47–52.
 14. Николаева И.В., Дмитриева Л. М. Экономико-статистический анализ позиций Российской Федерации в международных рейтингах разви-

тия цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права.— 2020. № 7–2. С. 80–88

15. Распопов В.В. ГИСП — Революционный инструмент цифрового производства // Цифровое общество. 2019. № 2. С. 10–19.
16. Россия вошла в топ-10 стран по цифровизации госуправления // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://digital.gov.ru/ru/events/42223/?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f (Дата обращения: 20.12.2023)
17. Соповещание Президента Российской Федерации по вопросам диверсификации производства продукции гражданского назначения организациями ОПК. Г. Уфа. 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.krem-lin.ru/events/president/transcripts/56699> (Дата обращения 23.12.2023)
18. Цветков В.А., Шутьков А.А., Дудин М.Н., Лясников Н. В. Цифровая экономика и цифровые технологии как вектор стратегического развития национального агропромышленного сектора // Вестник Моск. ун-та. Сер.6. Экономика. 2018. № 1. С. 51.

УДК 34

Обеспечение технологического суверенитета РФ: правовые механизмы, возможности, барьеры коммуникации

Зуев Иван Сергеевич

студент Юридического факультета по направлению «Юриспруденция»
Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Аннотация: Современный мир стремительно развивается в сфере технологий, и обеспечение технологического суверенитета становится все более актуальной задачей для Российской Федерации. В условиях глобализации и усиления конкуренции на рынке высоких технологий, странам необходимо обладать правовыми инструментами, способными защитить национальные интересы и препятствующими нежелательной передаче технологических знаний. В современной экономике промышленные продукты и процессы все больше зависят от нематериальных активов, защищенных законо-

дательством об интеллектуальной собственности. Правовые механизмы в области интеллектуальной собственности играют важную роль в создании благоприятного климата для развития новых технологий и привлечения инвестиций. Однако, помимо законодательства, также необходимо учитывать барьеры коммуникации, которые могут возникать в процессе обмена информацией и опытом с другими странами. В данной статье мы рассмотрим правовые механизмы обеспечения технологического суверенитета РФ в контексте интеллектуальной собственности и выявим возможные барьеры коммуникации, которые могут повлиять на эффективность этого процесса.

Abstract: *The modern world is rapidly developing in the field of technology, and ensuring technological sovereignty is becoming an increasingly important task for the Russian Federation. In the context of globalization and increased competition in the high-tech market, countries need to possess legal instruments capable of protecting national interests and preventing unwanted transfer of technological knowledge. In the modern economy, industrial products and processes are increasingly dependent on intangible assets protected by intellectual property law. Intellectual property legal mechanisms play an important role in creating a favorable climate for developing new technologies and attracting investment. However, in addition to legislation, it is also necessary to consider communication barriers that may arise in the process of sharing information and experiences with other countries. In this article, the authors will examine the legal mechanisms for ensuring technological sovereignty of the Russian Federation in the context of intellectual property and identify possible communication barriers that may affect the effectiveness of this process.*

Ключевые слова: *технологический суверенитет, правовые механизмы, Российская Федерация, инновационная политика, национальная безопасность, экономическая независимость, государственное регулирование, международное сотрудничество, барьеры коммуникации, интеллектуальная собственность, промышленная политика, импортозамещение, научно-исследовательская деятельность, результаты интеллектуальной деятельности.*

Keywords: *technological sovereignty, legal mechanisms, the Russian Federation, innovation policy, national security, economic independence, state regulation, international cooperation, barriers to communication, intellectual property, industrial policy, import substitution, research activities, results of intellectual activity.*

Современный мир все больше зависит от технологий, которые становятся основой экономического развития и гарантом национальной безопасности. В связи с этим, страны всего мира стремятся обеспечить свой техно-

логический суверенитет — способность самостоятельно создавать, развивать и использовать передовые технологии.

Во все времена и во всех исторических эпохах государства стремились к доминированию, используя различные способы воздействия на своих конкурентов. В связи с глобализацией эти возможности значительно расширились. В то же время, принятые США и союзниками антироссийские санкции, направленные на ослабление национальной безопасности России, что представляет существенную угрозу для технологического суверенитета. Все вышеизложенное говорит о чрезвычайно актуальности темы исследования, которое мы рассматриваем [20, с. 1595].

В условиях западных санкций сохранение технологического суверенитета превращается в один из ключевых компонентов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Политика преодоления негативного влияния западного санкционного давления на Россию опирается на прочный законодательный фундамент, краеугольным камнем которого является принятый Федеральный закон от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств» [6], предоставивший Президенту и Правительству РФ дополнительные полномочия в сфере выработки и осуществления контрмер, призванных максимально снизить ущерб, наносимый России указанной политикой Соединённых Штатов Америки и их союзников [21, с. 82]. В действующей «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» среди важнейших национальных приоритетов указаны обеспечение экономической безопасности за счет «технологического обновления базовых секторов экономики», «преодоления критической зависимости ... от импорта технологий» посредством оперативного внедрения соответствующих отечественных инновационных достижений. При этом в документе подчеркивается наличие в России необходимого потенциала (научного, образовательного и иного) для достижения ею «технологической независимости и конкурентоспособности» [13].

Однако в ходе проводимой сейчас работы основное внимание уделяется развитию технологий, а не проблемам науки, которые являются творцами новых технологий. Такой подход может быть оправдан в современных экс-

тремальных условиях, но в стратегическом плане он неверный. Поэтому в рамках нашего анализа положение о свободе научного и технического творчества, закреплённое в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, будет рассмотрено с точки зрения возможностей максимально полной реализации свободы научного творчества.

Разработка права на науку в таком широком его понимании является сейчас одной из наиболее актуальных задач отечественной юриспруденции. Исследования в этой области могут осуществляться в русле двух взаимосвязанных направлений, включающих в себя:

- раскрытие нормативного содержания тех прав человека, в которых абстрактное понятие «свобода научного творчества» находит своё конкретное выражение, построение соответствующих норм во внутренне непротиворечивый и беспробельный комплексный правовой институт или отрасль права и разработка предложений по оптимальному включению этого института или отрасли в систему права;
- определение критериев (т. е. оснований и пределов) ограничения данных прав в соответствии с требованием ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека могут быть для защиты конституционных ценностей общего блага.

В конечном итоге речь идёт о создании максимально комфортных правовых условий для развития российской науки с учётом необходимых конституционных ограничений. Все иные действующие на данный момент ограничения, ориентированные на учёт международного регулирования, осуществляемого на уровне «мягкого права», должны быть проанализированы с позиций принципов и норм Конституции РФ, в соответствии с которыми и следует выстраивать правовую политику. Предварительный анализ действующего законодательства показывает, что подобная «инвентаризация» международного регулирования в сфере научно-технологического развития позволит выявить возможности правовых механизмов для расширения свободы научного творчества российских учёных в рамках обеспечения технологического суверенитета РФ.

Рассмотрим каждое из этих направлений в отдельности.

1. На данный момент созданию благоприятной среды для реализации права на науку не уделяется надлежащего внимания в рамках той работы

по обеспечению технологического суверенитета России, которая ведётся российскими органами законодательной и исполнительной власти. Показательна в этом плане недавно принятая Концепция технологического развития на период до 2030 года (далее — Концепция), где даётся понятие технологического суверенитета. Здесь сказано, что такой суверенитет обеспечивается путём «исследования, разработки и внедрения критических и сквозных технологий ... и производства высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях» [23].

2. Определение критериев ограничения права на науку осуществляется на основе положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При конкретизации этих критериев применительно к праву на науку следует иметь в виду специфические для данной сферы проблемы. Прежде всего речь идёт о том, что на современном этапе своего развития наука всё в большей мере требует проведения научных экспериментов с участием человека и непосредственно на человеке. Таким образом в сферу регулирования научного права включаются субъекты с уязвимым онтологическим статусом (пациенты, испытуемые, доноры биоматериалов и т. д.), чей правовой статус нуждается в дополнительных гарантиях права на жизнь, достоинство, физическую неприкосновенность, охрану здоровья, личную и семейную тайну и т. д., что, в свою очередь, предполагает соответствующие ограничения прав исследователей. Кроме того, постчеловеческий потенциал ряда новейших технологий выносит в повестку дня проблемы защиты интересов человечества в целом. Ситуация усложняется тем, что в XXI в. действие технологий всё чаще и резче не вписывается в рамки национальных систем законодательства. Подобные технологии нередко называют праворазрушающими, поскольку они подрывают правовую систему изнутри, порождая комплекс сложнейших этико-правовых проблем, затрагивающих права человека

Несмотря на существующее обеспечения технологического суверенитета, есть ряд барьеров, которые затрудняют его достижение. Один из

основных барьеров — это ограничения доступа к передовым технологиям со стороны других государств или корпораций. В условиях глобализации и открытости экономик страна может столкнуться с преградами при получении лицензий на использование или приобретении новейших технологий.

Также важным барьером является недостаток кадрового потенциала и инфраструктурных возможностей для разработки и производства передовых технологий. Возможности для обучения и подготовки специалистов, а также существующая научно-исследовательская база могут оказаться недостаточными для создания конкурентоспособных инноваций.

Одним из ключевых барьеров является недостаточное финансирование научно-технической сферы. Разработка новых технологий требует значительных затрат на научные исследования, инфраструктуру и перспективные программы. Недостаток финансирования может привести к отставанию в развитии передовых технологий [18, с. 89].

Защита интеллектуальной собственности является одним из ключевых аспектов обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. В условиях быстрого развития информационных технологий и глобализации экономики, эффективная правовая система, способная обеспечить защиту прав собственников интеллектуальных прав, является необходимым фактором для создания конкурентоспособной научно-технической базы и привлечения инвестиций в отечественную инновационную деятельность.

Основными правовыми механизмами для защиты интеллектуальной собственности в РФ являются законы и нормативные акты, которые регулируют отношения, связанные с созданием, использованием и охраной объектов интеллектуальной собственности. Ключевым законодательным актом в этой области является Гражданский кодекс РФ, который определяет основные положения о защите авторских прав, патентных прав и других видов интеллектуальной собственности.

Гражданский кодекс РФ устанавливает правовые механизмы, обеспечивающие возможность регистрации и охраны объектов интеллектуальной собственности.

Важным аспектом защиты интеллектуальной собственности является также система патентных прав. Выдача патента подтверждает эксклюзив-

ное право на использование изобретения в течение определенного времени. Данный механизм стимулирует инновационную деятельность, обеспечивая возможность получения экономической выгоды от разработки новых технологий.

Регулирование осуществляется также иными федеральными законами, в том числе принятыми на основании и во исполнение норм ч. 4 ГК РФ. В частности, специальные федеральные законы: федеральный закон от 30.12.2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» [5], в соответствии с данным законом происходит регулирование отношений, связанных с деятельностью в РФ патентных поверенных, определяются требования к ним, устанавливается порядок приобретения статуса, в том числе порядок аттестации и регистрации, а также определяются их права, обязанности и ответственность; иные федеральные законы [3]. А также указы Президента РФ [12], постановления Правительства [7] и ведомственные нормативно-правовые акты [10].

Однако, несмотря на существующие правовые механизмы для защиты интеллектуальной собственности в РФ, имеются и некоторые барьеры коммуникации между правообладателями и исполнительными органами. Один из таких барьеров — это сложности в получении информации о своих правах и возможностях их защиты. Многие авторы или правообладатели не всегда осведомлены о том, каким образом можно зарегистрировать свои объекты интеллектуальной собственности или каким образом можно пресечь незаконное использование своих прав.

Для устранения этого барьера важно проводить информационную работу среди правообладателей, ориентировать их на существующие механизмы защиты и предоставлять им доступ к необходимой информации. Это может осуществляться через создание специализированных интернет-порталов, консультационных центров или проведение образовательных программ для правообладателей.

Кроме того, одной из причин недостаточной защиты интеллектуальной собственности является также отсутствие эффективного механизма контроля и наказания за нарушение авторских прав или патентных прав. В РФ есть законодательные акты, предусматривающие ответственность за нарушение интеллектуальных прав (например, Уголовный кодекс РФ).

Однако, не всегда возможно доказать факт нарушения или получить адекватное наказание для нарушителя.

Для решения данной проблемы необходимо усилить контроль со стороны исполнительных органов и органов правопорядка. Нужно разработать эффективные механизмы по выявлению и пресечению нарушений, а также ужесточить наказание для правонарушителей. Это позволит повысить уровень защиты интеллектуальной собственности и способствовать развитию инноваций в РФ.

Таким образом, в РФ существуют правовые механизмы для защиты интеллектуальной собственности, которые являются необходимой составляющей обеспечения технологического суверенитета страны. Однако, необходимо продолжать работу по улучшению коммуникации между правообладателями и исполнительными органами, а также усилить контроль и наказание за нарушение интеллектуальных прав. Только таким образом можно создать благоприятную среду для развития национальной научно-технической базы и привлечения инвестиций в отечественные инновации.

Эффективное использование результатов интеллектуальной деятельности, цифровой инфраструктуры оборота интеллектуальных прав является одним из основных показателей социально-экономического роста в стране и, как следствие, ее влияния в мире. Современный этап развития экономики Российской Федерации характеризуется обострением политических и экономических отношений с Евросоюзом, США и рядом иных недружественных стран, которые стремятся ослабить промышленный потенциал России, вводя санкции. В настоящее время принят десятый санкционный пакет, направленный на снижение темпов экономического роста и блокировки выпуска высокотехнологичной продукции, обеспечивающей национальную безопасность и технологический суверенитет Российской Федерации [16, с. 94–102].

Для выхода на рынок с радикально новой конкурентоспособной продукцией важным условием для успешной реализации жизненной стадии разработки и постановки продукции на производство является наличие механизма динамичного вовлечения в деловой промышленный оборот результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД).

Повышение эффективности управления РИД в области НИОКР является актуальным наравне с важностью развития самой сферы НИОКР в России и налаживания эффективного международного сотрудничества с учетом обеспечения гарантии технологического суверенитета и взаимодействия в данной сфере в современных геополитических условиях.

Необходимость решения задачи импортозамещения и повышения технологического суверенитета поставлена президентом РФ и решается правительством РФ уже более 8 лет, на основе разработанной программы импортозамещения [14]. С учетом сложившихся геополитических обстоятельств, в связи с проведением специальной военной резкое наращивание темпов замещения импорта продукции собственного производства является приоритетным для обеспечения технологического суверенитета. На наш взгляд, решение данной задачи напрямую связано с вовлечением РИД в производственный оборот, полученный в области научных исследований.

Одним из основных факторов успешного обеспечения технологического суверенитета является коммуникация и сотрудничество как на внутреннем, так и на международном уровне. Взаимодействие специалистов, ученых, представителей бизнес-сообщества позволяет обмениваться опытом, передавать знания и создавать новые технологии.

Один из возможных механизмов коммуникации — это создание научно-технических конференций и форумов. Такие мероприятия позволяют участникам обсудить актуальные проблемы, представить свои научные разработки и идеи, а также найти партнеров для совместных проектов. В рамках таких конференций можно осуществлять обмен опытом и знаниями, что способствует повышению уровня научных и технических компетенций участников.

Создание национальных инновационных центров является еще одной возможностью для развития коммуникации в сфере технологического суверенитета. Такие центры объединяют представителей государства, бизнес-сообщества, науки и образования с целью создания благоприятной инновационной экосистемы. Разработка новых технологий, поддержка стартапов, проведение образовательных программ — все это способствует коммуникации между различными участниками инновационного процесса.

Важным элементом коммуникации в контексте технологического суверенитета является сотрудничество между государством и бизнес-сообществом. Государственная поддержка инноваций, развитие национальных технологических компаний, создание благоприятного регуляторного окружения — все это способствует взаимодействию между государственными и частными структурами. Такое сотрудничество позволяет использовать ресурсы и знания обеих сторон для достижения общих целей.

В настоящее время Российская Федерация активно стремится к обеспечению технологического суверенитета, то есть к достижению возможности самостоятельного развития и использования передовых технологий в интересах своей страны. Однако на пути к этой цели существуют определенные барьеры, которые затрудняют процесс создания и продвижения инноваций в рамках российской экономики.

Один из основных барьеров — это недостаточное количество интеллектуальной собственности (ИС) у российских компаний и организаций. ИС является ключевым фактором успешного развития и коммерциализации технологий. Она позволяет защищать права на результаты инновационной деятельности, а также предоставлять возможность для получения доходов от использования этих результатов. Однако малое количество заявок на патентование и регистрацию товарных знаков со стороны российских компаний указывает на недостаток интереса к защите интеллектуальной собственности.

Причиной низкого уровня защиты ИС в России являются, прежде всего, отсутствие соответствующей правовой культуры и недостаточная информированность предпринимателей о возможностях и преимуществах использования интеллектуальной собственности. Более того, отсутствие адекватных механизмов поощрения и поддержки инновационной деятельности может оказывать отрицательное влияние на развитие системы защиты ИС.

Еще одним барьером на пути к обеспечению технологического суверенитета является сложность взаимодействия между государственными и частными структурами в сфере инноваций. Недостаточная координация действий, отсутствие эффективного механизма коммуникации и сотрудничества между различными участниками экосистемы инноваций затрудняют процесс коммерциализации новых технологий [18, с. 91].

Также следует отметить, что одним из основных барьеров является недостаточное финансирование инновационной деятельности. Российские компании испытывают сложности с привлечением инвестиций для разработки и внедрения новых технологий. Это связано как с высокими рисками и неопределенностью результатов инновационных проектов, так и с отсутствием эффективных механизмов государственной поддержки и стимулирования инноваций.

Другой значительный барьер — это отставание в области цифровизации и информационных технологий. Отсутствие достаточно развитой цифровой инфраструктуры, слабое использование современных информационных технологий и систем связи ограничивают возможности создания и продвижения новых технологических решений. Недостаточная доступность к высокоскоростным интернет-соединениям, низкое качество образования в области информационных технологий и недостаточное количество специалистов в этой области — все это препятствует развитию инновационного сектора и обеспечению технологического суверенитета.

Таким образом, на пути к обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации существуют определенные барьеры, которые затрудняют процесс создания и продвижения инноваций. Это недостаток количества регистраций интеллектуальной собственности, сложность взаимодействия между государственными и частными структурами в сфере инноваций, недостаточное финансирование инновационной деятельности и отставание в области цифровизации. Для преодоления этих барьеров необходимо разработать эффективные механизмы поддержки инноваций, улучшить правовую базу в области защиты ИС, улучшить координацию действий между различными участниками экосистемы инноваций и активно развивать цифровую инфраструктуру страны.

В заключение можно сказать, что интеллектуальная собственность играет значительную роль в обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации. Она является инструментом для защиты новых технологий и разработок, создания конкурентных преимуществ и привлечения инвестиций. Однако, необходимо преодолеть некоторые барьеры, такие как недостаточная осведомленность и сложности процедуры регистрации, чтобы полностью использовать потенциал интеллектуальной собственности.

сти. Кроме того, важно учитывать другие аспекты развития инновационной экосистемы для достижения технологического суверенитета страны.

В связи с обострением геополитических отношений в мире, одним из важнейших условий реализации прав человека и свобод является обеспечение суверенитета Российской Федерации. На данный момент для России наиболее важным аспектом является достижение технологического суверенитета страны. Решение этой проблемы требует переориентации научно-технологической политики на максимально полную реализацию свободы научного творчества, закреплённой в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ.

Главные ориентиры для законодательства в области научно-технологического развития — это максимально комфортные правовые условия для развития науки с учетом тех ограничений, которые закреплены в Конституции РФ. С этой точки зрения необходимо тщательно проанализировать существующие ограничения, направленные на соблюдение международных норм «мягкого права», а также определить резервы повышения свободы научных исследований в России.

Список литературы

1. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ // Парламентская газета. 2006. 21 дек. № 214–215.
2. О кредитных историях: федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ // Российская газета. 2005. 13 янв. № 2.
3. О международных компаниях и международных фондах: федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ // Российская газета. 2018. 6 авг. № 170.
4. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 апр. № 79 и т.д.
5. О патентных поверенных: федеральный закон от 30.12.2008 № 316-ФЗ // Российская газета. 2008. 31 дек. № 267.
6. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств: федеральный закон от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.06.2018 г. № 24 Ст. 3394.

7. О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (вместе с «Положением о Федеральной службе по интеллектуальной собственности»): постановление Правительства РФ от 21.03.2012 № 218 // Российская газета. 2012. 30 марта. № 70;
8. О государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на них без договора: постановление Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416 // Собрание законодательства РФ. 2016. 4 янв. № 1 (часть II). Ст. 230 и т.д.
9. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов: приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 483. URL: <http://www.pravo.gov.ru>;
10. О реквизитах счета Роспатента для уплаты государственных, патентных и иных пошлин и платежей: приказ Роспатента от 14.12.2020 № 167. URL: <http://www.consultant.ru>;
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
12. Указ Президента РФ от 24.05.2011 N 673 (ред. от 27.06.2012) «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности».
13. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (дата обращения: 02.01.2024).
14. Государственная программа «Развитие промышленности и повышении ее конкурентоспособности» (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. 328).
15. Апрыщенко А.А., Мирошниченко Е. Б. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития экономики // В сборнике: Национальная безопасность и государственное управление: задачи развития

- предпринимательства и обеспечения технологического суверенитета. сборник научных статей международной научно-практической конференции, приуроченной к 10-летию кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности РГЭУ (РИНХ). Ростов-на-Дону, 2023. С. 10–15.
16. Асанов С. О. Эффективное использование результатов интеллектуальной деятельности, полученных в сфере НИОКР // Вестник Академии. 2023. № 2. С. 94–102.
17. Варнакова Г. Ф., Крылова К. С. Экономическая безопасность Российской Федерации в условиях специальной военной операции // Бизнес. Образование. Право.— 2023.— № 1. — С. 20–24.
18. Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8. № 4. С. 88–96.
19. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А. И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность.— 2019.— № 11. — с. 149–162
20. Сукпарова К.С., Паламарчук Е.А. Проблема обеспечения технологического суверенитета России в условиях западных санкций // В сборнике: Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. Сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2023. С. 1595–1601.
21. Шкодинский С. В., Кушнер А. М., Продченко И. А. Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики.— 2022.— № 2. С. 75–96.
22. Tyulin A. E., Chursin A. A., Yudin A. V., Grosheva P. Y. Approaches for creating a digital ecosystem of an industrial holding // Communications in Computer and Information Science. 2022. Т. 1552. pp. 433–444.
23. Концепция технологического развития на период до 2030 года (пункт II). Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения 14.20.2023).

УДК 34

Аудиозапись судебного заседания: понятие, порядок фиксации хода судебного заседания и ознакомления с результатом

Быкова Светлана Сергеевна

студент факультета Подготовки специалистов для судебной системы
Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** В работе отображены некоторые важнейшие проблемы в отношении аудиозаписи судебного заседания. Государство в 2019 году сделало его обязательным для любого судебного заседания. Однако, сохранился ряд проблем, формирующих возможность избежать такого обязательства. В 2023 году Конституционный суд создал определение, в рамках которого проблемы упрочились, наиболее важными среди них являются: отсутствие аудиозаписи судебного заседания не является основанием для отмены приговора; письменный протокол в обход законодательства признан более важным, чем аудио протокол.*

Цель исследования является аргументация важности данных проблем при предоставлении их практического решения.

В рамках работы были использованы следующие научные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, описание, обобщение.

В результате работы констатируется, что позиция Конституционного суда субъективна, так как на законодательные положения не опирается, допускается свободная трактовка статей и норм, потому мнение неприемлемо.

***Abstract:** The paper displays some crucial problems regarding the audio recording of the court session. The state in 2019 made it mandatory for any court session. However, a number of problems remained, forming the possibility of avoiding such an obligation. In 2023, the Constitutional Court created a definition within which the problems were solidified. The most important problems are that the absence of audio recording of a court session is not a reason to cancel the verdict; and that the written record is recognized as more important than the audio record bypassing the legislation.*

The purpose of the research is to argue the importance of these problems while providing their practical solution.

The following scientific methods were used within the framework of the work: analysis, synthesis, deduction, induction, description, generalization.

As a result of the work it is stated that the position of the Constitutional Court is subjective, as it is not based on legislative provisions, free interpretation of articles and norms is allowed, therefore the opinion is unacceptable.

Ключевые слова: аудиозапись судебного заседания, аудиопротокол, обязанности судов, обязательная аудиофиксация, выполнение государственных требований, права участников судопроизводства.

Keywords: audio recording of a court hearing, audio protocol, duties of the courts, mandatory audio recording, fulfillment of state requirements, rights of participants in legal proceedings.

Аудиозапись судебного заседания является чрезвычайно важным элементом, гарантирующим правосудие в рамках рассмотрения дела. Можно считать, что данный элемент гарантирует справедливое разбирательство, ликвидирует возможность, как случайного, так и специального внесения в письменный протокол заседания недостоверной информации, которая может стать барьером для защиты прав осужденного. Несмотря на это и наличие верных действий законодателя — с 2019 года аудиопроколирование является обязательным, сохраняется ряд проблем, лишаящих этот важный инструмент своей ключевой функции, что недопустимо, и отображает актуальность данной темы.

В первую очередь отметим, что под аудиозаписью судебного заседания необходимо понимать протокол процесса рассмотрения дела, который формируется при помощи средств аудиозаписи, основным из которых является диктофон. С 2019 года аудиозапись является обязательной для любого дела, такой вывод можно сделать исходя из изучения процессуальных кодексов, так, например, при уголовных дела это подтверждается статьей 259 Уголовно-процессуального кодекса (УПК). Можно считать, что для изучаемой темы нововведения 2019 года являются чрезвычайно важными, так как аудиозапись была и остается инструментом, доказывания наличия ошибок в письменном протоколе. При этом до 2019 года аудиозапись законодателем не регламентировалась, потому суды имели право официально отказывать в ее приобщении к делу [4, с. 28]. Сейчас аудиозапись может быть создана без предварительного разрешения на это действия любым присутствующим лицом, что можно

извлечь из статьи 241 УПК РФ, если дело проходит в режиме открытого слушания.

Порядок фиксации происходит следующим образом. Согласно изучению процессуальных кодексов, суд обязан вести аудиопротокол, потому обязательство возлагается на секретаря (исходя из, например, статьи 259 УПК РФ). Иные лица, например, адвокат, тоже могут вести собственную аудиозапись, не получая на это разрешение суда. После окончания судебного заседания, носитель информации с аудиозаписью приобщается к делу, это фиксируется в протоколе соответствующим замечанием.

Для реализации своей функции, с аудиозаписью имеют право ознакомиться участники судебного процесса [1, с. 83]. На формирование протоколов суд имеет три дня, при этом этот же срок отводится для выполнения требования относительно желания изучить протоколы, которое оформляется любым участником процесса в письменном виде в форме ходатайства. Отметим, что, в случае возникновения объективных обстоятельств, протокол может быть создан позднее трех суток, о чем в обязательном порядке информируются все лица, подавшее ходатайство на ознакомление с результатами, получая сведения о том, когда и где они могут изучить созданный протокол. Отметим, что суд откажет в ходатайстве в том случае, если подана апелляция или постановление суда исполняется. В случае необходимости, участники процесса могут получить копию протокола, однако, ее изготовление будет реализована за их счет. Если участник процесса считает, что протокол изготовлен неверно, он имеет право подать замечание, которое за двое суток суд обязан рассмотреть [3, с. 33].

Рассматривая теоретические положения законодательства, можно считать, что их выполнение формирует достаточную нормативно-правовую базу для применения аудиопрототолирования. Однако, существует ряд, как узких теоретических, так и практических проблем применения инструмента. Первой и наиболее важной является отсутствие признания равной юридической силы между аудиозаписью и письменным протоколом заседания. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа процессуальных кодексов. Так, например, согласно статье 389.17 УПК РФ, отсутствие протокола является причиной отмены приговора, однако, отсутствие указания, какого именно протокола, ведет к тому, что на практике лишь отсутствие

письменного протокола является причиной отмены постановления, а не аудиопотокола. Доказательством является судебная практика, к которой можно отнести: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 89-УД20–8-А2, Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2021 г. № 77–5628/2021 и иные. В них указано, что средство аудиозаписи было неисправно, суд не имел отношения к этому, однако, отсутствия аудиопотокола не означает, что письменный протокол неверен, а потому отмена приговора невозможна.

В результате, констатируем прямое нарушение прав участников процесса в отношении аудиопотоколов.

В 2023 году ситуации в отношении аудиозаписей стала более понятной, так как было обнародовано Определение Конституционного суда (КС) РФ № 1079-О/2023. В нем можно выделить несколько важных положений, которые демонстрируют позицию государства в отношении инструмента. Так, во-первых, аудиопотокол является дополнительным средством, а письменный протокол — основным. Однако, изучая статьи УПК РФ и других процессуальных кодексов, можно констатировать, что не существует разделения протоколов на основные и вспомогательные, потому позиция КС не может считаться объективной. При этом судебная практика демонстрирует преимущество письменного протокола перед аудиозаписью. Так, например, согласно Определению Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 апреля 2021 г. № 77–1173/2021, отсутствие письменного протокола при наличии аудиопотокола привело к отмене приговора, что доказывает их неравнозначность. Во-вторых, согласно позиции КС, аудиопотокол не относится к пункту, прописанному в статье 389.17 УПК РФ. Иными словами, КС утверждает, что законодатель подразумевает отсутствие лишь письменного протокола, а не аудиопотокола. Однако, снова указываем на то, что объективной позицию назвать нельзя, ведь законодательство не прописывает, какой именно протокол должен присутствовать обязательно, а какой — нет. Такой аспект формирует на практике официальную возможность следующих действий суда — происходит лишь видение ведения аудиозаписи со стороны секретаря, фактически к делу прикрепляется служебная записка относительно того,

что записывающее устройство вышло из строя. В итоге, суды официально получили возможность игнорировать применения столь важного для справедливости элемента, за что они не будут нести ответственность. Это ведет не только к упрощению деятельности, но и возможности фальсифицировать дела, что недопустимо.

Еще одной важной проблемой является положение, согласно которому аудиопотоколирование запрещено в ходе закрытых заседаний [2. с. 13]. Можно считать, что это тоже напрямую ущемляет права подсудимого, лишает его возможности иметь все возможности защиты своих интересов.

Вся представленная информация демонстрирует, что аудиозапись судебного заседания является основой для справедливого правосудия. Многие теоретические положения законодателем были прописаны так, что никаких корректировок вносить не нужно. Однако, неоднозначная трактовка статей, относительно существенных нарушений процессуального закона (например, 389.17 УПК РФ), создала возможность свободно применять ее положения, отказываясь от обязательства по аудиофиксации судебного процесса, которое на суды возложило государство еще в 2019 году. В 2023 году КС официально подтвердил такую возможность, оперируя субъективным мнением, не опирающемся на положения законодательства. Норма, в отношении запрета на аудиозапись судебного разбирательства при закрытом слушании, тоже ухудшает доступ к справедливому суду. В результате, необходимо рекомендовать следующие корректировки законодательства. Во-первых, изменение всех положений, аналогично статье 389.17 УПК РФ, указанием на то, что отсутствие, как письменного, так и аудиопотокола является основанием для отмены приговора. Это будет значительной мотивацией для судов достоверно вести все виды протоколов и выполнять возложенные еще в 2019 году на них обязательства. Во-вторых, зафиксировать главенство аудиопотокола перед письменным. Причина заключается в том, что секретарь имеет реальную возможность сфальсифицировать протокол, в своих или чужих интересах. Аудиопотокол с малой вероятностью формирует такую возможность — лишь его фактическая неисправность может создать барьеры для правосудия. Можно считать, что, обязав суды вести аудиопотоколы на трех разных устройствах одновременно, имеющих достаточную защиту от множества

угроз (физическое уничтожение, попадание воды на устройство, формирование помех при записи), позволит однозначно констатировать главенство такого протокола. В-третьих, закрепление обязательства по ведению аудиопотокола в рамках всех дел для равенства прав всех подсудимых.

Подводя итог, указываем, что аудиозапись является чрезвычайно важным элементом для правосудия. Государство, осознавая это, ввело верные положения в 2019 году, однако, законодательство требует корректировки для ликвидации всех правовых «пробелов», формирующих возможность злоупотреблений со стороны судов. Если все предоставленные автором данной статьи рекомендации будут реализованы на практике, аудиозапись станет основой для справедливого суда на территории всей России.

Список литературы

1. Бурганов, Р. С. Ознакомление с делом после итогового решения суда: основные вопросы практики / Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев // Уголовный процесс.— 2023.— № 3(219). — С. 80–87. — DOI 10.53114/20764413_2023_03_80.
2. Жемеров, В. В. Рассмотрение дел по спорам в сфере государственного оборонного заказа в закрытом судебном заседании / В. В. Жемеров, С. Ю. Катукова // Администратор суда.— 2023.— № 3. — С. 11–15. — DOI 10.18572/2072–3636–2023–3–11–15.
3. Карая, М. Б. Замечания на аудиопотокол судебного заседания в уголовном судопроизводстве / М. Б. Карая, А. В. Кудрявцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.— 2023. — Т. 23, № 1. — С. 31–35. — DOI 10.14529/law230104.
4. Кошкина, Е. А. Проблемы использования системы аудиопотоколирования в современном уголовном процессе / Е. А. Кошкина // Студенческий форум.— 2023.— № 5–3(228). — С. 27–29.

УДК 34

К вопросу о защите деловой репутации корпорации

Баркова Лена Альвертовна

студентка факультета Юриспруденции и правового регулирования
Российского государственного социального университета

***Аннотация.** В статье идентифицирована правовая сущность деловой репутации как нематериального актива хозяйствующих субъектов. Проанализированы позиции исследователей по вопросу о дефиниции и содержательном наполнении деловой репутации как объекта правовой защиты. Обоснована важность наличия в законодательстве действенных рычагов по защите деловой репутации организации ввиду частоты фактов распространения порочащих их сведений и подрыва конкурентных позиций.*

Рассмотрены возможные способы защиты деловой репутации в случае ее умаления опорой на материалы судебной практики, в результате чего были выявлены некоторые проблемные аспекты в данной сфере и неурегулированные вопросы. Предложен ряд мер для их устранения и оптимизации практики правоприменения.

***Abstract.** The article identifies legal essence of business reputation as an intangible asset of business entities. The positions of researchers on the issue of definition and content of business reputation as an object of legal protection are analyzed. The article substantiates the importance of existence of effective levers in the legislation to protect the business reputation of the organization due to the frequency of the facts of dissemination of defamatory information and undermining competitive positions.*

Possible ways of protecting business reputation in case of its diminution by relying on the materials of judicial practice are considered, as a result of which some problematic aspects in this area and unsettled issues were revealed. Several measures for their elimination and optimization of law enforcement practice are proposed.

***Ключевые слова:** деловая репутация, юридическое лицо, доброе имя, диффамация, порочащие сведения, нематериальные активы, личные неимущественные права, право на опровержение, «репутационный ущерб», моральный вред.*

***Keywords:** business reputation, legal entity, good name, defamation, defamatory information, intangible assets, personal non-property rights, right to refutation, “reputational damage”, moral harm.*

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что в условиях сегодняшнего дня репутационный фактор имеет важнейшее значение для субъектов коммерческой деятельности и выступает исключительно ценным активом, во многом предопределяя финансовую успешность их функционирования. С учетом возможных деструктивных последствий распространения сведений, которые могут пошатнуть деловые позиции предприятия, законодатель уделил особое внимание механизму защиты в подобных ситуациях.

Законодательный подход к трактовке деловой репутации в качестве нематериального блага, а прав на нее — как имеющих личный немущественный характер, сегодня нередко рассматривается через призму критики. Так, М. А. Рожкова считает это наследие советского прошлого, анахроничного в современных условиях. По ее мнению, сегодня деловая репутация имеет полное право восприниматься в качестве имущества, так как ГК РФ в рамках конструкции договора простого товарищества допускает использование права на нее в качестве вклада [5, с. 45].

Такая же логика прослеживается в отношении договора коммерческой концессии, из чего уместно резюмировать, что деловая репутация обладает вполне конкретным и реальным экономическим значением. Аналогичной позиции придерживаются В. И. Еременко, А. Эрделевский и некоторые иные авторы.

Важно понимать, что деловая репутация не является характеристикой, имманентно присущей предприятию с момента прохождения регистрационных процедур — она формируется последовательно в процессе осуществления непосредственной хозяйственной деятельности.

Ввиду того, что акцент в настоящей статье поставлен не на понятийном аппарате, а на механизме защиты деловой репутации, представим обобщенную дефиницию последней в качестве уникального информационного образа, идентифицирующего участника коммерческого оборота с положительной или отрицательной стороны.

В свою очередь, правом на деловую репутацию предприятия мы будем считать нормативно закрепленную возможность требовать от третьих лиц воздержания от действий, которые способны повлечь умаление доброго имени хозяйствующего субъекта и не соответствуют действительности, а также право ее защиты в случае распространения порочащих сведений.

Вести речь о нарушении деловой репутации корпорации можно при наличии требуемого фактического состава, отраженного в ст. 152 ГК РФ:

- факт распространения сведений (речь идет, к примеру, об их обнаружении в СМИ или в сети Интернет, а также в рамках публичных выступлений и иных вариациях, хотя бы одному лицу);
- их порочащий характер (в частности, утверждения о том, что компания игнорирует законодательные предписания в рамках своей деятельности, ведет недобросовестную бизнес-практику или не соблюдает основы деловой этики и т.д.);
- несоответствие реальным обстоятельствам (обоснование данного аспекта на практике является наиболее проблематичным) [4].

Важно привести позицию ЕСПЧ, согласно которой голословные фактологические суждения трактуются как элемент субъективизма, ввиду чего вести речь о праве на судебную защиту деловой репутации можно лишь при условии подкрепления мнения фактическими основаниями [13].

Иными словами, соответствие тех или иных сведений действительности должно быть верифицируемым, что по общему правилу исключает возможность оспаривания в рамках данного механизма оценочных суждений (за исключением случаев, если такие высказывания имеют очевидно оскорбительный характер). Данные условия должны быть соблюдены в своем единстве, поскольку отсутствие какого-либо из них выступает достаточным основанием для того, чтобы иск не был удовлетворен.

Спектр рычагов правовой защиты деловой репутации корпорации весьма обширен и вбирает в себя как специальные способы (в частности, опровержение и удаление порочащих сведений, пресечение или запрещение дальнейшего распространения указанных сведений), так и общеправовые меры воздействия на нарушителя в форме возмещение имущественного урона компании вследствие факта диффамации.

Ст. 152 ГК РФ позволяет инициировать в суде вопрос об опровержении сведений, которые порочат деловую репутацию компании. На истца возлагается бремя обоснования факта распространения данных сведений и их порочащий характер, в то время как ответчик должен привести доводы в пользу достоверности распространенных сведений.

Важным является правило об аналогичности формы распространения и опровержения тех или иных порочащих сведений, признанных недостоверными. С данной нормой связана некоторая проблема. В частности, высказываются позиции о том, что обязанность лица к опровержению ранее высказанной им позиции вступает вразрез с конституционным постулатом (ст. 29 Конституции РФ) о запрете на принуждение к выражению лицом его мнения или убеждений или отказ от таковых.

В частности, как считает Г. М. Резник, если в статусе ответчика выступает, к примеру, СМИ, то принуждение его к размещению опровержения и, более того, к извинению, является грубейшим нарушением конституционных императивов [12, с. 28]. Суды, как видится, при заявлении подобных требований должны руководствоваться положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 об отсутствии у суда полномочий по обязанности ответчиков к принесению истцу извинения в той или иной форме (п. 18) [11].

Необходимо указать на то, что при неосведомленности о лице, распространившем ложные сведения, повлекшие умаление деловой репутации, возможности правовой защиты остаются, но заявление ввиду отсутствия полноценного ответчика рассматривается в порядке особого производства. Данное обстоятельство, как видится, предопределяет более выигрышную позицию истца.

Важно также затронуть такой рычаг правовой защиты деловой репутации корпорации как право на ответную реплику в том же источнике. В то же время, вопросы вызывает сама нормативная конструкция п. 2 ст. 152 ГК РФ, дословно позволяющая применить данный способ лишь вкуче с опровержением. Но при этом п. 9 анализируемой статьи оперирует союзом «или», из чего следует вывод об автономном значении каждого из них. Данный подход является более обоснованным и в целом разделяется судами. Так, к примеру, в одном из постановлений Второго арбитражного апелляционного суда прямо указана возможность свободного распоряжения правом на реплику безотносительно к праву на опровержение.

Важное практическое значение имеет п. 24 приведенного выше Постановления Пленума ВС РФ от 24 февр. 2005 г. № 3, в котором право на ответ гарантировано также в ситуации, когда распространению подлежали

суждения оценочного характера, а не только фактические данные, что в полной мере справедливо, поскольку в подобных случаях предприятие должно располагать возможностями изложения своей аргументированной позиции по существу обнародованных оценочных суждений.

При умалении деловой репутации организации вследствие распространения порочащих сведений в качестве возможного способа правовой защиты выступает также право на удаление таких данных вкупе с пресечением их последующего распространения (п. 4 ст. 152 ГК РФ). Применение данного способа защиты деловой репутации корпорации оптимально при фактической невозможности доведения стандартного опровержения до всеобщего сведения ввиду широкого распространения порочащей информации. Пресечение дальнейшего распространения соответствующих сведений реализуется посредством изъятия и уничтожения их материальных носителей, которые предназначены для введения в гражданский оборот при отсутствии альтернативных способов удаления необходимой информации.

Законодательство не располагает критериями, позволяющими сделать вывод о «широком распространении информации». Данная категория имеет оценочный характер и в каждом отдельном случае должна быть идентифицирована на основании совокупного учета множества факторов.

В данном отношении заслуживает внимания позиция О. Ш. Аюпова, предлагающего к числу таких критериев относить аудиторный охват, территориальные пределы распространения, период времени и способ распространения, а также число экземпляров материальных носителей таких данных [2, с. 77]. При сопоставлении данного способа защиты деловой репутации с опровержением очевидна предпочтительность именно первой меры, поскольку опровержение не препятствует ознакомлению с первоначально размещенными данными любого заинтересованного лица, что исключено в случае их удаления.

Важно оговорить, что в свете тенденции всеобщей информатизации особую важность приобретает модификация анализируемого выше способа защиты деловой репутации предприятия в виде удаления соответствующих данных в случае их распространения в сети Интернет. Зачастую сами администраторы соответствующих сайтов не осведомлены о наличии на

своих информационных ресурсах сведений порочащего характера, в частности, если сайт предназначен для ведения форума.

Конституционный Суд РФ выразил свою позицию на данный счет, указав, что в таких случаях владелец сайта или иной ответственный за его ведение субъект обязан принять меры по удалению требуемых данных. При отказе последних данный способ защиты деловой репутации корпорации может быть применен на основании вынесенного судебного решения [9]. Важно пояснить, что отказ выполнить соответствующее действие по удалению данных может влечь меры юридической ответственности лишь после того, как суд признает распространенные сведения порочащими и ложными.

Помимо приведенных выше рычагов правовой защиты деловой репутации корпорации необходимо также отметить такую меру как требование о возмещении убытков, ставших следствием распространения указанных сведений. Убытки с позиции права содержательно вбирают в себя две составляющие: реальный ущерб и упущенную выгоду (статья 15 ГК РФ). Реальный ущерб представляет собой расходы, вынужденно произведенные потерпевшим субъектом (или которые будет необходимо понести в дальнейшем) в целях восстановления нарушенного права. В свою очередь, упущенная выгода представлена доходами, которые могли бы быть получены в рамках стандартных условий хозяйствования в отсутствие факта нарушения соответствующего права лица [1, с. 112].

Деловая репутация предприятия в условиях сегодняшнего дня органично входит в состав имущественной массы юридического лица, что допускает возможность ее оценки в денежном выражении. Умаление деловой репутации корпорации может стать причиной как реально наличествующего ослабления ее финансовых позиций, так и имущественных потерь в будущем в силу снижения востребованности предлагаемой продукции (работ, услуг) среди потребителей, отказа бизнес-партнеров от дальнейшего сотрудничества и т.д.

Разумеется, необходимым условием для возмещения убытков вследствие умаления деловой репутации предприятия является обоснование их суммарного размера. В то же время, четкое обоснование размера причиненных убытков возможно не во всех случаях, что было отмечено Верховным Судом РФ в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении

судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации» [10].

ВС РФ категорически запретил отказывать в удовлетворении требования о возмещении убытков по причине невозможности обоснования их точного размера и ориентировал суды на следование началам разумности и справедливости при учете характера совершенного нарушения. Ведущим критерием при установлении суммы взыскиваемых убытков должна выступать цель их присуждения — нивелирование последствий нарушения.

Если речь идет о возмещении упущенной выгоды, то в силу естественных причин расчет ее размера не может быть арифметически точен, что не должно выступать в качестве основания для отказа в принятии иска. В одном из дел акционерное общество в обоснование размера упущенной выгоды представил суду отчетные материалы, из которых явственно проявилась тенденция резкого уменьшения числа договоров, заключаемых с организацией после распространения ответчиком порочащих сведений. Суд на основании представленных данных установил размер причиненных убытков и удовлетворил иск. Не оспаривая эффективности возмещения убытков как способа защиты деловой репутации корпорации, вместе с тем отметим, что на практике он применяется довольно редко ввиду трудностей доказывания юридически значимых обстоятельств.

Наконец, в рамках данной статьи необходимо также затронуть возможность компенсации морального вреда. Сама возможность предъявления юридическим лицом требований подобного плана длительно дискутировалась в научной литературе, порождая множество дебатов. Противники позиции о праве корпораций требовать возмещения морального вреда апеллируют к тому, что умаление деловой репутации предприятия порождает, в конечном итоге, сугубо имущественные последствия, из чего уместен вывод о том, что возмещение убытков является вполне достаточной мерой для соразмерной защиты нарушенных прав.

Данная позиция видится не совсем обоснованной, поскольку очевидно, что сводить последствия посягательства на деловую репутацию корпорации к сфере материального мира вряд ли возможно, и неимущественная сфера субъекта хозяйствования реально существует, отражаясь в сознании третьих лиц в виде целостного мнения о соответствующей корпорации.

При умалении деловой репутации вполне закономерно утрачена авторитет организации, несводимого к какому-либо денежному эквиваленту. Вредоносные последствия также могут касаться трудностей при реализации намеченных стратегических задач по развитию предприятия, увеличения напряженности внутри коллектива и руководящего корпуса организации и т.д. [3, с. 45]. Вполне очевидно, что значение нематериальной сферы деятельности организации не должно обесцениваться на контрасте с имущественной областью ее функционирования.

К слову, до внесения корректив в ст. 152 ГК РФ 2013 году [14] отсутствовали какие-либо препятствия для взыскания компенсации «морального вреда» в отношении корпораций, чему благоприятствовало постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3, п. 15 которого директивно закреплял такую возможность. Небезынтересно, что данная рекомендация воспринималась только судами общей юрисдикции, и Г. М. Резник образно высказался о том, что корпорации испытывали «моральные страдания» только в судах общей юрисдикции, но не в арбитраже.

На сегодняшний день к защите деловой репутации организаций неприменимы правила о возмещении морального вреда, что, казалось бы, должно было поставить точку в данной дискуссии. Однако в доктрине и практике правоприменения вскоре возник вопрос о возможности взыскания условно именуемого репутационного вреда.

Возрождение данной проблемы стало следствием выхода в свет Определения КС РФ, где была выражена позиция о том, что отсутствие директивного законодательного положения о применимом способе защиты деловой репутации организаций не следует трактовать как отсутствие права на предъявление требования о компенсации убытков, включая имеющие нематериальный характер, вследствие умаления деловой репутации, или нематериального вреда, содержательно отличного от морального вреда, причиненного гражданину [8].

Данная правовая позиция натолкнула Е. Новикову на мысль о способе обхода риска непринятия иска организации со стандартной ссылкой на компенсацию морального вреда: ей предлагается видоизменить данную формулировку на «возмещение репутационного вреда». К тому же ВАС

РФ признал право на автономное существование в правовом поле данной формулировки [7, с. 58].

В то же время, К. И. Скловский критически воспринял подобный подход, отмечая, что любое взыскание, имеющее денежный характер, в конечном итоге базируется на концепции убытков, и правовая сущность компенсации морального вреда кардинально иная, что не дает никаких рациональных оснований для расширения ее содержательного наполнения. Возмещение же репутационного вреда, по мнению Н. Д. Чернецова, осуществляется по правилам о возмещении убытков [15, с. 88]. По данному вопросу практика деятельности судов была крайне неоднозначна, и если одни суды осуществляли взыскание репутационного вреда в составе убытков, то иные применяли подход, адаптированный к взысканию морального вреда.

Считаем, что запрет законодателя на взыскание морального вреда, причиненного организации вследствие умаления ее деловой репутации, не согласуется с современными условиями хозяйствования, и допущение взыскания лишь убытков значительно ослабляет возможности защиты корпораций ввиду трудностей доказывания их размера. Хотя ст. 152 ГК РФ не указывает на возможность компенсации репутационного вреда, такая возможность де-факто у организаций должна иметься, что гармонизируется с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, допускающей защиту нарушенных прав и свобод всеми законодательного не запрещенными способами. При этом, даже в случае отказа в такой компенсации организация имеет все шансы на благоприятный исход дела в рамках конституционного правосудия, учитывая позицию КС РФ по данному вопросу.

В целом же, очевидно наличие правового пробела, поскольку возмещении репутационного вреда является объективно необходимым сегодня рычагом правовой защиты корпораций, несводимым к каким-либо иным способам защиты. Кроме внедрения в законодательство такого механизма защиты деловой репутации юридического лица для реального действия данной нормы необходимо также предусмотреть критерии идентификации суммы присуждаемой компенсации (к примеру, характер и способ распространения порочащих сведений; вредоносные репутационные последствия и иные).

Таким образом, уместно резюмировать, что на сегодняшний день организации располагают довольно внушительным арсеналом средств правовой защиты в случае умаления их деловой репутации. В то же время, их практическое применение нередко сопряжено с рядом проблемных аспектов, требующих своего урегулирования. Помимо прочего, в силу динамичности рыночной инфраструктуры и условий хозяйствования необходимо оперативно адаптироваться к изменяющимся реалиям, и законодательство должно регулярно пересматриваться в целях обеспечения максимально возможной правовой защиты участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова.— 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023.— 435 с.
2. Аюпов О. Ш. Право на ответ как способ защиты деловой репутации юридического лица // Вестник Омского университета. Серия «Право».— 2015.— № 8. — С. 76–85.
3. Борха С. С. Защита деловой репутации юридических лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации.— 2021.— № 12. — С. 45–54.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
5. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): Науч.-практ. пособие / Под общ. ред. д.ю.н. М. А. Рожковой. — М.: Статут, 2015.— 270 с.
6. Игнатьева Е. В. Компенсация репутационного вреда юридическим лицам: проблемные аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. Философия.— 2015.— № 23. — С. 113–119.
7. Новикова Е. Защита деловой репутации: споры со средствами массовой информации // Административное право.— 2017.— № 4. — С. 55–63.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149168/ (дата обращения: 20.03.2023).
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8288/> (дата обращения: 18.03.2023).
12. Резник Г.М., Скловский К. И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ / под общ. ред. К. И. Скловского. — М.: Статут, 2018. — 270 с.
13. Решение Европейского Суда по правам человека от 25 марта 2004 года по вопросу приемлемости жалобы № 65297/01 «Альвеш Коста против Португалии» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 июля 2013 г. № 27. Ст. 3434.
15. Чернецов Н. Д. Возмещение вреда деловой репутации юридического лица // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 20. — С. 88–95.

УДК 34

Отдельные проблемы правоприменения при рассмотрении корпоративных споров о недействительности крупных сделок

Кисс Кристина Альбертовна

магистрант факультета Юриспруденции и правового регулирования
Российского государственного социального университета

Аннотация: В статье автор рассматривает проблемы доказывания обстоятельств, имеющих значение при рассмотрении корпоративных споров о признании крупной сделки недействительной. С точки зрения доктрины, действующего корпоративного законодательства, разъяснений высшей судебной инстанции и практики рассмотрения конкретных корпоративных споров анализируются сложности в применении признаков крупной сделки (качественного и количественного) и презумпции осведомленности контрагента о порочности сделки на момент ее заключения. Автор отмечает сложность доказывания информированности контрагента о порочности совершаемой оспариваемой сделки, поскольку перечень условий, при которых эта информированность презюмируется, носит закрытый характер. Автор приходит к выводу, что для вынесения законных и обоснованных решений по данной категории дел при установлении факта недобросовестности контрагента суд должен учитывать также характера ранее сложившихся между сторонами оспариваемой сделки отношений. Подобный подход, по убеждению автора, должен быть закреплен в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного суда РФ.

Abstract: In the article the author considers the problems of proving the circumstances of significance in consideration of corporate disputes on recognizing a major transaction as invalid. From the point of view of the doctrine, current corporate legislation, clarifications of the highest court and practice of consideration of specific corporate disputes, the author analyzes the difficulties in applying the signs of a major transaction (qualitative and quantitative) and the presumption of counterparty's knowledge of the viciousness of the transaction at the time of its conclusion. The author notes the difficulty of proving the counterparty's awareness of the viciousness of the contested transaction, since the list of conditions under which this awareness is presumed is confidential. The author concludes that in order to make legitimate and reasonable decisions on this category of cases in establishing the fact of the counterparty's unfairness, the court must also take into account the nature of the previously formed relationship between the parties to the disputed transaction. Such an approach, according to the author's conviction, should be enshrined in the relevant clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: *корпорация, корпоративный спор, крупная сделка, согласие, недействительность, критерии, типичность, осведомленность.*

Keywords: *corporation, corporate dispute, large transaction, consent, invalidity, criteria, typicality, awareness.*

Одним из видов корпоративных конфликтов являются споры о признании крупной сделки акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью недействительной по причине несоблюдения процедурных особенностей ее совершения, которые предусмотрены действующим российским законодательством.

Крупная сделка акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью может быть заключена после того, как получено одобрение (согласие) на ее совершение, которое дается общим собранием участников или акционеров, а определенные случаи требуют согласия (решения) совета директоров (п. 1 ст. 79 Закона об АО [1], п. 3 ст. 46 Закона об ООО [2]).

В частности, совет директоров уполномочен на принятие решения об одобрении крупной сделки, касающейся имущества, стоимость которого варьируется от 25% до 50% балансовой стоимости активов корпорации.

Следует согласиться с С. А. Бурлаковым, что такой порядок призван обезопасить имущественные интересы акционеров (участников) корпорации [9, С. 28].

Для квалификации сделки как крупной истец должен представить доказательства, подтверждающие вышеназванную его стоимость. При этом стоимость имущества рассчитывается в зависимости от характера договорного обязательства и определяется по правилам п. 1.1. ст. 78 Закона об АО, п. 2 ст. 46 Закона об ООО): если корпорация приобретает имущество, то учитывается его стоимость по сделке; если корпорация отчуждает имущество, то учитывается цена или балансовая стоимость; если корпорация передает имущество во временное владение (пользование), то принимается во внимание его балансовая стоимость.

Важное значение при рассмотрении корпоративных споров о признании крупной сделки недействительной имеет ее квалификация и разграничение со сделкой, совершенной с предпочтением.

Так, если суд установит, что крупная сделка одобрена в порядке, установленном законом, то это влечет отказ в иске (подпункт 1 п. 6.1 ст. 79 Закона об АО, п. 5 ст. 46 Закона об ООО), что исключается при оспаривании сделки с предпочтением (п. 1 ст. 84 Закона об АО, п. 6 ст. 45 Закона об ООО). Критерий причинения ущерба в результате совершения крупной сделки не входит в предмет доказывания при оспаривании крупной сделки (абзац 2 пункта 71 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [4]), но является имеющим для дела обстоятельством при оспаривании сделки с предпочтением (п. 1 ст. 84 Закона об АО, п. 6 ст. 45 Закона об ООО). Наличие осведомленности контрагента о том, что сделка совершается в нарушение закона (имеет порок), входит в число обязательных условий признания как крупной сделки, так и сделки с заинтересованностью недействительной (подпункт 2 п. 6.1 ст. 79, .1 ст. 84 Закона об АО, п. 6 ст. 45, п. 5 ст. 46 Закона об ООО). Как справедливо отмечает в своем исследовании С. И. Беляев, выход сделки за рамки обычной хозяйственной деятельности — условие необходимое для оспаривания как крупных сделок, так и сделок с предпочтением. В соответствии с п. 4 ст. 78 Закона об АО и п. 8 ст. 46 Закона об ООО это имеет место в следующих ситуациях: сделка не является типичной для корпорации;) сделка влечет негативные экономические последствия: прекращение работы, объемах деятельности, реорганизации, ликвидации [8, с. 30].

Вместе с тем, судебная практика игнорирует критерий типичности сделки в своих решениях, руководствуясь лишь критерием негативных экономических последствий крупной сделки. Такой узкий подход сформировался благодаря разъяснениям, подпункта 2 пункта 9 Постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 [3] — далее — Постановление № 27, в котором в рамках качественного признака крупной сделки игнорируется критерий типичности (не типичности) оспариваемой сделки.

Так, суд, отказал истцу по корпоративному спору, проигнорировав не типичность договора поручительства на сумму в несколько раз превышающую сумму основного договора при фактическом отсутствии средств у поручителя. При этом он указал, что указанная сделка не привела к изменению вида деятельности корпорации, ее банкротству или ликвидации по иным основаниям [5].

При этом в некоторых случаях, суды не «прислушиваются» к вышеназванному разъяснению Пленума Верховного Суда применяя критерий типичности сделки, но опять же для обоснования своего отказа в иске истцу в корпоративном споре, принимая решение в пользу корпорации.

Так, участником корпорации оспаривалась заключенная ею сделка поставки, как крупная. Судом было отказано в иске в силу того, что сделка заключена в пределах обычного хозяйственного оборота этой корпорации, такие сделки поставки с аналогичным предметом заключались корпорацией периодически [6].

Следует согласиться с мнением ученых, полагающих, что подобное положение дел, безусловно может порождать нарушения прав истцов в таких спорах, не говоря уже о недопустимом нарушении принципа законности [11, С. 20].

Анализируя количественный критерий, необходимый для квалификации сделки как крупной, стоит обратить внимание, что в соответствии с п. 1 ст. 78 Закона об АО, п. 1 ст. 46 Закона об ООО и подпункта 1 пункта 9 Постановления № 27 позволяет прийти к выводу, что он заключается в том, что в качестве предмета договорного обязательства должно быть имущество, которое в стоимостном выражении оценивается в пределах от $\frac{1}{4}$ и выше от балансовой стоимости согласно данным последнего бухгалтерского баланса.

Исходя из пункта 13 Постановления № 27 количественный признак применительно к договорным обязательствам, которые, предусматривают внесение периодических платежей (например, арендных, лицензионных) следует оценивать, сопоставляя балансовую стоимость активов корпорации и сумму платежей в рамках периода действия договорного обязательства. В случае, если договор заключен бессрочно, то стоимостная оценка активов корпорации должна сопоставляться с суммой платежей за один год. Если размеры платежей вариативны в рамках срока действия договорного обязательства, то стоимостная оценка активов корпорации должна сопоставляться с наиболее крупной суммой в течение года.

Однако, как справедливо отмечается на страницах юридической печати [15, С. 162], в некоторых ситуациях следования таким разъяснениям может привести к угрозе срыва экономически выгодной сделки корпорации.

Например, в ситуации, когда судом будет установлено, что арендные платежи по договору, заключенному на длительный срок (10–20 лет) в своей совокупности при низкой арендной плате превышают 25% цены активов, которые имелись у корпорации в момент заключения договора аренды.

По мнению Н. В. Куркиной возможна ситуация злоупотребления руководителем компании, знающим, что арендные платежи за один год не превысят указанных в законе лимитов балансовой стоимости активов корпорации, в целях недопущения оспаривания ее членами крупной сделки заключается арендный договор, в котором не прописываются сроки окончания его действия. Законодательно нерешенным остается и вопрос касательно применения количественного признака в ситуации, когда невозможно определить размер систематических платежей на этапе подписания договора [12, с. 80].

Л. С. Кутузова отмечает, что такое возможно, к примеру, когда заключается абонентский договор, сумма гонорара по которому ставится в зависимость от объема проделанной работы в соответствии с указаниями абонента [13, С. 548].

Полагаем, что ответы на эти вопросы должны найти свое место в Постановлении № 27.

Удовлетворение корпоративного иска о признании крупной сделки недействительной возможно в случае, когда контрагент проявляет добросовестность, то есть не знает или не должен знать, что заключаемая сделка порочна на стадии ее заключения, то есть является крупной для корпорации и согласие на ее заключение не получено (абзац 3 п. 5 ст. 46 Закона об ООО и подпункт 2 п. 6.1 ст. 79 Закона об АО).

Из содержания п. 18 Постановления № 27 следует, что к случаю, когда контрагент знал или должен был знать о порочности крупной сделки считается факт его принадлежности к числу участников (акционеров) корпорации, либо к субъектам, которые входят в орган управления корпорации. В противном случае истцу в корпоративном споре необходимо доказывать осведомленность контрагента нарушителя о рассматриваемых обстоятельствах, например, может быть представлена (истребована) соответствующая переписка [10, С. 130].

Очевидно, что подобный подход зачастую порождает несправедливый результат, ибо из фактических обстоятельств, как правило, практически каждый участник таких сделок очевидно обладает информацией о порочности сделки, но в связи с тем, что он не входит в круг лиц, перечисленных Пленумом ВС РФ, то считается неосведомленным.

Так, О. С. Филиппова в своем исследовании обоснованно полагает, что если буквально следовать вышеназванному подходу, сложившемуся в судебной практике на уровне Пленума ВС РФ, то истец по корпоративному спору обязан доказывать информированность недобросовестного контрагента о пороке заключаемой крупной сделки (то, что она является таковой и не одобрена в установленном законом порядке) и в том случае, если в течение ближайших нескольких месяцев сторонами совершались аналогичные сделки и все они (кроме оспариваемой) проходили необходимую в таких случаях процедуру одобрения. Или же напротив, заключение аналогичных сделок (кроме оспариваемой) было сорвано по причине неполучения надлежащего ее одобрения [14, С. 129].

Следует заметить, что судебной практике по рассмотрению конкретных корпоративных споров о признании крупной сделки недействительной сложилось два противоположных подхода.

В соответствии с первым, при непредставлении истцом доказательств об информированности контрагента касательно порочности заключаемой сделки в рассматриваемом контексте, суды отказывают в удовлетворении исковых требований о признании такой сделки недействительной, то есть буквально применяют разъяснения пункт 18 Постановления № 27.

Согласно второго подхода, суды придерживаются расширительного толкования и выходят за рамки указанного разъяснения и удовлетворяют исковые требования о признании крупной сделки недействительной и при отсутствии доказательств со стороны истца о том, что контрагент сделки знал или должен был знать о ее порочности в момент совершения.

Так, в одном деле суд посчитал, что сторона сделки была осведомлена о ее порочности на момент ее совершения, поскольку заключался договор, требующий понимания того, кто входит в круг участников контрагента, каковы размеры их долей, а также выражено ли их потенциальное

согласие на заключение вышеуказанных договоров с найденными агентом покупателями, инвесторами [7].

Полагаем, что для единообразного разрешения рассматриваемых корпоративных споров, в разъяснении п. 18 Постановления № 27 применительно к рассматриваемым ситуациям необходимо дополнение о том, что подобные положения не применяются, осведомленность контрагента по оспариваемой сделке о ее порочности следует из характера ранее сложившихся между сторонами оспариваемой сделки отношений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 1.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. № 7 ст. 785.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
5. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2021 № 01АП-8280/2021 по делу № А39–1635/2021 // <https://sudact.ru/>(дата обращения 10.01.2023)
6. Решение Арбитражного суда Пермского края от 07.08.2020 по делу № А50–11237/2020 // <https://sudact.ru/>(дата обращения 10.01.2023)
7. Постановление 10 ААС от 16.11.2020 года по делу № А41–103607/2019 // <https://sudact.ru/>(дата обращения 10.01.2023)
8. Беляев С. И. Порядок оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11(74). С. 33–35.

9. Бурлаков С. А. Правовое регулирование крупных сделок юридических лиц: дисс. ... канд. юр. наук. — Москва, 2010.— 213 с.
10. Донских Н. И. Определение крупной сделки в российском законодательстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6. С. 133–137.
11. Иванова О.И., Дельцова Н. В. Оспаривание крупных сделок в российском законодательстве // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 4. С. 12–21.
12. Куркина Н. В. К вопросу об определении категории «крупные сделки» // Предпринимательство в России: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства МГОУ. — Москва, 2019. С. 78–84.
13. Кутузова Л.С. К вопросу о понятии крупной сделки в теории, российском законодательстве и судебной практике // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 4. С. 540–550.
14. Филиппова О. С. Крупные сделки хозяйственных обществ по законодательству Российской Федерации: дисс. ... канд. юр. наук. -Томск, 2014.— 255 с.
15. Шиткина И. С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования. Монография. — М.: Статут, 2020.— 226 с.

УДК 349.2

К вопросу о злоупотреблении правом в трудовых правоотношениях

Кайнер Ольга Владленовна

старший преподаватель кафедры Гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина

***Аннотация:** Данная статья ставит вопрос о возможности и допустимости выделения категории «злоупотребление правом» в трудовых правоотношениях в связи с отсутствием указанной правовой категории в трудовом законодательстве. Исследуется правовая природа злоупотребления правом со стороны работника и работодателя.*

В статье рассматриваются виды и случаи злоупотребления трудовыми правами субъектами трудовых правоотношений, также приводятся некоторые практические примеры такого злоупотребления из судебной практики. Помимо этого, в статье анализируются виды юридической ответственности участников трудовых отношений и последствия злоупотребления правом.

Abstract: *This article raises the question of the possibility and admissibility of singling out the category of “abuse of right” in labor legal relations due to the absence of this legal category in labor legislation. The legal nature of abuse of right on the part of an employee and an employer is investigated.*

The article considers types and cases of abuse of labor rights by subjects of labor legal relations, as well as some practical examples of such abuse from judicial practice. In addition, the article analyzes the types of legal responsibility of the participants of labor relations and the consequences of the abuse of the right.

Ключевые слова: *трудовое право, права работника, права работодателя, злоупотребление правом, теория права.*

Keywords: *labor law, employee rights, employer rights, the abuse of law, theory of law.*

Трудовое законодательство Российской Федерации определяет одной из своих главных задач создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства [4]. Эта задача реализуется посредством законодательного закрепления принципа самостоятельности участников трудовых отношений в установлении и реализации правоотношений, то есть договорного способа определения прав и обязанностей работника и работодателя. Помимо этого, Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ) поощряет добросовестность одного из субъектов трудовых правоотношений, устанавливая для работника обязанность добросовестно исполнять свои трудовые обязанности [4]. Впрочем, аналогичной обязанности для работодателя ТК РФ не содержит.

Вместе с тем, на практике законодательство не только способствует осуществлению юридических прав участниками трудовых правоотношений, но и нередко становится инструментом ненадлежащей реализации гарантированных государством прав для получения необоснованных пре-

имуществ или создания препятствий в осуществлении своих трудовых прав и обязанностей другой сторон.

С одной стороны, злоупотребление правом является универсальной межотраслевой категорией, применимой практически ко всем видам субъективных прав. Так, можно говорить о злоупотреблении гражданскими правами, и частично о злоупотреблении конституционными правами, а точнее, о недопустимости такого злоупотребления. Конституция Российской Федерации закрепляет в качестве общеправового принципа недопустимость злоупотребления правом, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [1]. Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, «из указанного принципа, лежащего в основе социального и юридического статуса личности в ее коллективном бытии... ..проистекают в конечном счете, все основные обязанности человека и гражданина, в том числе, гражданские, этико-социальные и др., конкретизированные в отраслевом законодательстве» [7, с. 173]. Таким образом, конституционный принцип недопустимости злоупотребления правом является общеправовым и находится как бы на стыке моральных и правовых норм.

Аналогичный принцип нашел свое отражение и в гражданском законодательстве, где он раскрывается посредством правовых категорий обхода закона (*fraus legi*) и заведомой недобросовестности [2]. Представляется, что данные категории могут быть применены и к трудовым правоотношениям. Так, злоупотребление трудовыми правами обычно характеризуется заведомостью (субъект права как правило, осознает свою «моральную неправоту») и недобросовестностью (поведение субъекта формально соответствует закону, но не соответствует требованиям морали), но *fraus legi* в трудовом праве иногда является результатом совместных шагов нанимателя и сотрудника, например при взаимном согласии не заключать соглашение.

Не смотря, на это российское трудовое законодательство не содержит подобной нормы, обходясь лишь вышеуказанным общеправовым принципом. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года указывается, что при рассмотрении дел о восстановлении на работе должен соблюдаться общеправовой прин-

цип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работника [5]. Однако, проблема злоупотребления правом участниками отношений существует и требует законодательного осмысления. Как представляется, оно может исходить от любой из сторон трудовых правоотношений, а в некоторых случаях — являться результатом их совместных решений.

Злоупотребление правом организацией (нанимателем)— явление достаточно частое. Поскольку организация отношения является изначально юридически сильной стороной, наделенной властными полномочиями, одной из задач трудового законодательства Российской Федерации является защита трудовых прав работников. Властные полномочия нанимателя проявляются на всех этапах трудовых правоотношений, поэтому работодатель может злоупотребить своими правами на всех стадиях этих правоотношений. Например, направив работника в служебную командировку в место, формально соответствующее санитарным и гигиеническим нормам, но фактически непригодное для работы.

Еще одним примером злоупотребления правом нанимателя является расторжение трудового договора в связи с сокращением штата работников [4], если одновременно в штатное расписание была введена аналогичная должность, и на эту работу был принят другой работник. Трудовое законодательство исходит из того, что работодатель самостоятельно определяет численность и штат работников в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом [5]. Однако Суды в подобных ситуациях считают расторжение договора безосновательным, поскольку работодатель преследует цель уволить неугодного работника [6].

Одновременно, как показывает практика, злоупотребление правом со стороны сотрудника встречается еще чаще. В соответствии с трудовым законодательством сотрудник является более защищенной стороной, что неизбежно нарушает принцип равноправия сторон отношений.

Например, ТК РФ закрепляет обязанность нанимателя в трехдневный период при фактическом допущении работника к должности заключить с ним трудовое соглашение в письменной форме, иначе работодатель может быть привлечен к административной ответственности за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих

нормы трудового права [4]. При этом корреспондирующей обязанности работника ТК РФ не устанавливает, поэтому привлечь работника к ответственности за уклонение от заключения трудового договора невозможно. Примерами злоупотребления правом при увольнении могут служить отказ работника в получении трудовой книжки или сведений о трудовой деятельности при увольнении и сокрытии листа нетрудоспособности. Как правило, эти действия осуществляются с целью навредить бывшему работодателю, который, будучи лишенным возможности исполнить свои обязанности, будет привлечен к административной ответственности [3] в случае проверки.

Ответственность сторон трудовых правоотношений за злоупотребление правом зависит от субъекта правонарушения. Для работодателя такое поведение может повлечь привлечение к юридической ответственности (административной и уголовной). Злоупотребление правами со стороны сотрудника осуществимо в случае используемое не по назначению субъективное право получит судебную поддержку. Поэтому правоприменительная практика [5] считает, что применение мер ответственности к сотруднику излишне и отказ в защите его прав кажется вполне достаточным.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что отсутствие подобного института не позволяет установить пределы свободы осуществления трудовых прав работника и работодателя, а также лишает пострадавшую сторону возможностей защиты нарушенного права с целью пресечения злоупотребления правом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» от 17.03.2004 № 2 // СПС КонсультантПлюс
6. Определение Верховного суда Республики Чувашия от 18.04.2016 по делу № 3–1840/2016, апелляционное определение Курганского облсуда от 14.08.2014 по делу № 33–2429/2014, апелляционное определение Курганского облсуда от 14.08.2014 по делу № 33–2429/2014 // СПС КонсультантПлюс.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина.— 3-е изд., пересмотр. — М.: Норма, 2013. — с. 173.

УДК 343

К вопросу совершенствования уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних

Мустафаева Мавиле Муслимовна

студентка факультета Подготовки специалистов для судебной системы
Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. В частности, в работе приведены статистические показатели, свидетельствующие о существенном росте преступности. Автором проводится анализ уголовного законодательства в области преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, выделяет ряд практических недостатков, указывающих на необходимость внесения корректировок. Кроме этого, приведены идеи относительно улучшения действующей системы уголовного законодательства в целях предотвращения совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.*

***Abstract:** The article is devoted to the study of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors. In particular, the paper cites statistical indicators showing a significant*

increase in crime. The author analyzes the criminal legislation in the field of crimes against sexual inviolability of minors, highlights a number of practical shortcomings indicating the need for adjustments. In addition, ideas for improving the current system of criminal legislation in order to prevent the commission of crimes against sexual inviolability of minors are given.

Ключевые слова: *половая свобода, половая неприкосновенность, несовершеннолетний, уголовное наказание, права человека, преступление.*

Keywords: *sexual freedom, sexual integrity, minor, criminal punishment, human rights, crime.*

Процесс формирования правового государства имеет колоссальную ценность, поскольку направлен на верховенство жизни, здоровья, чести и достоинства личности. Кроме этого, правовое государство отождествляет соблюдение положений Конституции, в частности «признание прав и свобод человека наивысшей ценностью» [1].

Традиционно современный социум не акцентирует внимание на отдельной социальной группе, чьи права часто подвергаются нарушению — несовершеннолетним. Вместе с тем, уровень защиты такой части населения — инструмент, позволяющий сформировать общие статистические показатели эффективности действующей правовой системы. Необходимость выработки действенного механизма уголовно-правовой охраны несовершеннолетних является конституционной обязанностью уполномоченных органов.

Защита несовершеннолетних включает и предотвращение сексуальных нарушений в отношении них. Рассматривая половую неприкосновенность следует указать, что она представляет собой правовой режим, запрещающий реализовывать действия сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних.

Подобный правовой режим регламентирован в пределах уголовного законодательства в отношении лиц, не достигших совершеннолетия «для создания благоприятных условий их физического и психического развития» [4, с. 338]. Понятие «половая свобода» предполагает гарантированную законом способность лица выбирать возможность или невозможность вести половую жизнь, а также осуществлять действия сексуальной направленности.

Поддубная Е.В. рассматривала половую неприкосновенность как «право каждого не подвергаться сексуальному насилию, право на защищенность от сексуальных посягательств» [3].

По мнению Якубова А.Е. «объектом половых преступлений в отношении несовершеннолетних является половая неприкосновенность, а также нормальное физическое, умственное и моральное развитие лиц, которые не достигли 16 лет» [5].

На данный момент санкции за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности регламентированы в ст. 131–135 УК РФ. Преступления против половой свободы и неприкосновенности всегда несли тяжелый характер среди иных противоправных действий. Несмотря на законодательное урегулирование, статистика совершения таких деяний остается высокой. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ в промежуток с 2012 года по 2023 год число приговоров по данным статьям увеличилось более чем на полторы тысячи. Кроме того, показатели свидетельствуют о том, что в большинстве преступлений потерпевшая сторона — лицо, не достигшее совершеннолетия» [6].

В целом статистические показатели указывают на увеличение числа зарегистрированных преступлений в отношении несовершеннолетних, что указывает на необходимость совершенствования действующего законодательства.

Исследуя действующее уголовное законодательство, необходимо отметить следующее. Так, содержание ст. 131 и ст. 132 УК РФ не регламентирует отсылки на заведомую известность возраста несовершеннолетнего потерпевшего и признаков его достижения. Однако, учитывая принцип вины, закрепленный в общей части, при каждом рассмотрении дела следует устанавливать, что виновная сторона предварительно знал о несовершеннолетии потерпевшего или внешние признаки, указывали на данный факт.

Целесообразно, чтобы при наличии ошибочного убеждения относительно возраста потерпевшего исключалось вменение виновному субъекту данного квалифицирующего признака.

Кроме этого, внесенные корректировки в уголовное законодательство регламентировали особо квалифицирующие признаки, которые формируют более строгий вид наказания для лиц, имеющих судимость за ранее

совершенное противоправное деяние против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Вместе с тем, с учетом иных квалифицирующих признаков к имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности включают субъектов, с непогашенной или не снятой судимости за преступления в данной сфере.

Подобный момент характеризуется спорным характером и является специальным рецидивом, который ранее был закреплен в УК РФ, а после убран из более 70 составов преступлений. Основанием этому послужила не целесообразность учета судимости ранее, поскольку использование такого обстоятельства лишь для одного состава преступления противоречит системности и целостности уголовного закона.

Кроме этого, дискуссионной корректировкой уголовного закона является примечание, в котором указано, что «к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей — пятой статьи 134 и частями второй — четвертой статьи 135 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста» [2]. Данное примечание указывает на отождествление изнасилование и насильственные действия сексуальной направленности, в отношении потерпевших моложе 14-летнего возраста: добровольное сношение, осуществление действий развратного характера. Наличие строгих мер ответственности за реализацию подобных незаконных действий не соответствует основанию уголовной ответственности, поскольку объективная сторона изнасилования и иных развратных действий — разная. В данном случае происходит использование уголовного закона по аналогии, что не сопоставимо с принципом законности. Развратные действия в отношении несовершеннолетнего необходимо разграничивать с сексуальным насилием, поскольку в них разная объективная сторона.

Таким образом, анализ законодательства и статистических показателей свидетельствует о том, что действующие меры уголовно-правовой охраны не способствуют снижению уровня преступности в области преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершенно-

летних. Высокие показатели можно расценить и как не совсем корректное применение законодательства. Так, в целях применения справедливого наказания к виновным, следует регламентировать невозможность применения нормы к субъекту в виду отсутствия сведений о потерпевшем, как о лице, не достигшем совершеннолетия или наличии ложных сведений о возрасте такого лица. Данный фактор позволит произвести соответствующую квалификацию содеянного преступного деяния.

Кроме этого, не целесообразным является приравнивание преступлений, которые носят насильственный сексуальный характер и осуществление развратных действий в отношении несовершеннолетнего, поскольку у них разная объективная сторона. В целом, для снижения уровня преступности необходим комплексный подход: совершенствование нормативных правовых основ в данной области и применение мер профилактики преступности, в частности проведение разъяснительных бесед в образовательных организациях в целях предоставления сведений о правилах поведения и защиты в подобных ситуациях. Применение подобных мер снизит показатели преступности и улучшит действующее уголовное законодательство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 25, ст. 2954.
3. Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 24.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2017. С. 338.
5. Якубов А. Е. Ужесточение наказания и проблемы совершенствования уголовного закона // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право, 2010. № 4. С. 24–35

6. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.11.2023).

УДК 34

Активность суда в переквалификации исковых требований при рассмотрении дела в арбитражном судопроизводстве

Кондратенко Оксана Александровна

аспирант кафедры Гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** Автор статьи исследует вопрос активности суда при переквалификации исковых требований в арбитражном судопроизводстве, а также рассматривает сложности, связанные с изменением квалификации требований истца. Анализируется практика вышестоящих судов, подчеркивая необходимость балансировки интересов сторон и соблюдения принципов справедливости. В работе также выделяются актуальные проблемы правового регулирования, связанных с переквалификацией судом исковых требований в арбитражном процессе, а также предлагаются способы их решения.*

***Abstract:** The author of the article investigates the issue of court activity in recharacterization of claims in arbitration proceedings, as well as considers the difficulties associated with changing the qualification of plaintiff's claims. The practice of higher courts is analyzed, emphasizing the necessity of balancing the interests of the parties and observing the principles of fairness. The paper also highlights current problems of legal regulation related to the requalification of claims in arbitration proceedings by the court, and suggests ways to solve them.*

***Ключевые слова:** исковые требования, переквалификация, арбитражное судопроизводство, баланс интересов, нормы права.*

***Keywords:** claims, retraining, arbitration proceedings, balance of interests, norms of law.*

В этой части исследовательской работы рассмотрены ключевые положения законодательства Российской Федерации по переквалификации исковых заявлений в рамках арбитражного судопроизводства. Были выде-

лены основные требования к изучению материалов гражданских дел, на основании которого выносится решение о принятии судебной инстанцией активных действий. При написании этого исследования автор провел всесторонний анализ юридической литературы, научных трудов российских экспертов в этой области. Для достижения поставленной цели были выбраны общие и специальные методы анализа данных — сопоставление, перечень ключевых характеристик, адаптация, оценка субъективных и объективных сторон конкретного конфликта. У арбитражного суда в Российской Федерации есть право на переквалификацию искового требования в том случае, если будет зафиксировано наличие «смысловой ошибки». То есть истец указал неверные данные, обосновывая законность своих действий при подаче заявления, как первого этапа рассмотрения судебного дела. При этом важно отметить, что сейчас судебные инстанции наделены более широкими полномочиями, чем несколько лет назад.

Прерогатива арбитражного суда позволяет обеспечить должную правовую защиту всем участникам процесса — вне зависимости от недочетов, ошибок в исковом заявлении, а также возможных возражений сторон. С другой стороны, в законодательстве Российской Федерации четко прописано требование об информировании ответчиков и третьих лиц (в установленными нормами права сроки). Отдельно стоит рассмотреть специфику и уникальные особенности исковых заявлений в гражданском процессе. Причина выбора этого направления объясняется актуальностью, наличие большого количества дел. Иски в гражданском судопроизводстве отличаются многогранностью, сложной конструкцией из двух основных требований — необходимость признания спорной обязанности или права, принуждение ответчика совершить или отказаться от совершения определенных действий с целью удовлетворения нарушенных прав истца. Принято считать, что «правовой интерес к подтверждению правоты от одной из сторон гражданского спора на основании судебного решения является общей чертой для исковых заявлений о присуждении и исковых заявлений о признании».

В этом заключается особенность исков в гражданском процессе в Российской Федерации, ведь в любом случае задача судопроизводства в реализации спорного права, в принятии верного, законного решения.

И спорное право будет исполнено принудительно только, если оно действительно является спорным, неопределенным и требует подтверждения правоты сторон в судебном порядке. В современных исследованиях по этой теме отмечается сложность конструкции исполнительных исков в гражданском процессе, как один из наиболее важных недостатков такой системы. Истец требует защиты своих законных прав и интересов через подтверждение его правоты, представляя при этом соответствующие доказательства, факты по спорному вопросу — чтобы доказать нарушение его субъективного права, проистекающего из действующего российского законодательства. Помимо этого, стоит отметить, что необходимость признания является неотъемлемой частью любого искового заявления.

Оно даже может быть специально не указано, но сам факт требования о признании в запросе истца обязателен, и присуждение не может быть выполнено без его учета. На основании этого можно сделать вывод, что в судебном решении по иску определяется факт наличия правонарушения, спорной ситуации между двумя сторонами, необходимость принуждения ответчика к определенным действиям для удовлетворения запроса истца (или отказ от совершения соответствующих действий). Если рассматривать иск, то второй аспект не является ключевым — в судебном решении отмечается лишь факт наличия или отсутствия совершенного ранее правонарушения. Согласно нормам российского гражданского законодательства, допускается подача иска такого типа о совершенном нарушении различных установленных законов прав, свобод, интересов. Например, иск об опровержении конфиденциальной информации, сведений, наносящих вред карьере, порочащих достоинство гражданина — в данном случае суд оценивает нарушение законных интересов истца. И это необходимо для создания максимально оптимальных условий точной общественной оценки совершенного гражданского правонарушения.

С каждым годом увеличивается количество исков, поскольку все чаще российские граждане обращаются в суд для решения проблем, связанных с нарушением их имущественных и неимущественных, материальных прав. Гражданское право в первую очередь связано с так называемыми имущественными отношениями, которые являются основанием социально-экономической стабильности государства. Регулирование, оценка

и контроль за имущественными отношениями имеют ряд специфических черт — например, особенностью такого рода гражданских прав является единство правового и экономического базиса, их непосредственная взаимосвязь. Хотя имущественные отношения ограничены по своим возможностям, с помощью их правового урегулирования возможно определение ключевых аспектов того, что принято называть соприкосновением надстроечного и базисного. Именно исследование гражданских правоотношений связано с большим количеством нюансов, спецификой и особенностями объекта и субъектов правоотношения, а также со статусом самого процесса. Об этом обязательно следует помнить при толковании нормативно-правовых актов и законодательных норм, сопровождающих правила Гражданского Кодекса в нашей стране; не стоит забывать и о важности локальных правовых актов. Но с другой стороны, самой противоречивой остается классификация гражданско-правовых отношений на абсолютные и относительные.

Абсолютное гражданское правоотношение — это договорные права и обязанности сторон, где одна из сторон обладает правом собственности либо же является нанимателем, а другая заинтересованным лицом (или группа лиц) — в данном случае посторонние участники гражданского оборота не могут посягать на имущественное право собственника, а собственник в свою очередь не должен нарушать обязательства, о которых было договорено с третьими лицами. Право собственника относится к группе абсолютных объектов гражданских правоотношений, так как они обладают такими признаками как общерегулярность, значимость, принадлежность лишь одному, конкретному субъекту на законных правах. Что же касается относительных гражданских правоотношений, то есть гражданских прав, связанных с противопоставлением управомоченному лицу нескольких обязанных лиц, здесь следует отметить следующее положение — широкое распространение относительных гражданских правоотношений. К этой категории относят обязательственные отношений, характеризующиеся, в частности, передачей во временное пользование результатов интеллектуально-творческой деятельности; гражданские правоотношения по реализации мер гражданско-правовой защиты и многое, многое другое. Отличительной чертой относительных правоотношений

является четкое определение всех субъектов взаимодействия, поскольку их права и обязанности неотделимы друг от друга, что и подразумевается наименованием — относительные правоотношения.

Следует вернуться к теме исследовательской работы — активным действиям судебных инстанций при переквалификации исковых требований в рамках арбитражного судопроизводства. На первом месте расположен один из наиболее актуальных методов реализации прав физических и юридических лиц на судебную защиту (возможность внесения изменения в основания исковых требований, в предмет рассматриваемого спора). Согласно положениями ч. 1 ст. 49 АПК РФ, заявитель осуществляет ряд процессуально разрешенных действий по изменению предмета, оснований исковых требований, а также может достичь решения нескольких личных задач по судебному разбирательству. Это относится к праву на корректировку размера исковых требований, когда дело вынесено на оценку арбитражного суда в первой инстанции (до вынесения окончательного решения). В последние несколько лет в Российской Федерации произошла трансформация арбитражного судопроизводства, что было связано с новыми профессиональными компетенциями судебной системы в целом. В отечественной юридической литературе определено, что предмет искового требования — это ничто иное, как материально-правовое стремление, то есть желание получить защиту своих материальных и законных интересов. Истец предъявляет ответчику конкретные требования, надеясь, что судебная инстанция признает их правомерными и в последствие они будут удовлетворены в полном объеме. Такие иски могут относиться к ряду действий или содержать правила для реализации (в том числе и отказ от выполнения определенной деятельности). Важен лишь признак наличия или отсутствия правовых отношений, факт их изменения или прекращения. Проще говоря, предметом иска в арбитражном судопроизводстве выступает длинный перечень правовых запросов, которые часто связаны с материальной стороной (выражаются в соответствующих терминах) [3, С. 67].

Важно понимать, что внесение изменений в указание предмета искового требования связано с появлением новых или отказом от старых материально-правовых стремлений, которые были предъявлены истцом

в отношении ответчика. Это важный компонент арбитражного судопроизводства, как характерный элемент обязательной процессуальной деятельности. Среди особенностей изменения предмета исковых требований выделяют динамичность решений, гибкость и адаптивность судебной среды. Однако отдельного внимания заслуживает вопрос оценки оснований исковых требований. Рассматриваются конкретные обстоятельства по судебному делу — фактические положения, из которых проистекает возможность выносить требования истцом, и именно на это опирается в своих процессуальных действиях истец. Получается, можно сделать вывод, что основания исковых требований представляют собой совокупность компонентов, фактических данных о произошедших событиях, с учетом которых истец делает какие-либо выводы и может поддерживать свои претензии в отношении к ответчику. В российской судебной практике сделан акцент на том, что база искового заявления — это юридические факты, неизменные, объективные, без возможности кардинального пересмотра.

Также важно отметить, что эти юридические факты связаны с аспектами материального права — и все это в совокупности влияет на формирование, возможность внесения изменений и прекращение прав, обязанностей сторон в рамках арбитражного судопроизводства (в том числе и при переквалификации исковых требований). Обратите внимание, что изменение основания иска является, в сущности, трансформацией обстоятельств, указанных ранее истцом для ответчика и изучению их судебной инстанцией. Когда в положениях АПК РФ еще отсутствовали данные о процедуре рассматриваемой в теме этой исследовательской работы, применялись нормы Постановления Пленума ВАС РФ № 13 от 1996 года. Было установлено, что главной необходимостью в таких ситуациях является модернизация материально-правовых требований от истца к ответчику (то есть базы законных требований истца в рассматриваемом судебном деле). Этот аспект уже множество раз рассматривался в отечественной судебной практике. Юридическая позиция законодательства Российской Федерации остается актуальной и по сей день. При этом есть много научных работ, где исследователи высказывают собственное мнение об исключение связи исковых требований с материальной базой. Данные выше указанного По-

становления не претерпели изменений в течение последних 20 лет (однако в ближайшее время этот вопрос может быть решен).

Сейчас изучение положений ст. 49 АПК РФ дает возможность более точно понять специфику и особенности переквалификации исковых требований при арбитражном рассмотрении судебного дела. У истца есть законное право внести изменения по предмету, размеру и основаниям предъявляемых требований. В качестве примера можно привести ситуацию, при которой истец, меняя свое мнение о желании признания сделки купли-продажи (или любой иной) недействительной, что влечет за собой аннулирование соглашения или договора. При этом он подает заявление с просьбой внести новые данные в исковое, а это в свою очередь является законным основанием дальнейшего рассмотрения дела в арбитраже. К сожалению, все юристы отмечают неточность содержания отечественных нормативно-правовых актов. Такого рода действия истца не могут быть признаны соответствующими правилам процессуального законодательства. Однако от арбитражного суда требуется принятие активного участия для переквалификации исковых оснований для удовлетворения стремлений заявителя (для защиты его законных прав, свобод и интересов). Всестороннее исследование положений ст. 49 АПК РФ привело к тому, что автор сделал единственной верный вывод. Указание предмета, основания искового является компетенцией истца, так как связано с методом защиты нарушенных законных прав. При этом многие правоведы и практикующие юристы считают, что такое содержание законодательства не определяет права арбитражного суда на самостоятельное решение при изучении исковых требований. Получается, что недочеты и ошибки заявителя при первоначальной классификации (например, не подходящий способ защиты законных прав и интересов личности) могут стать причиной отклонения ранее заявленных исковых требований. Ученые в сфере права указывают на необходимость конкретизации компетенции истца, на его исключительную прерогативу при подаче исковых заявлений с определенными требованиями в отношении ответчика или третьих лиц. Арбитражный суд ограничен в своих действиях, может принимать решения лишь по вопросам, которые четко прописаны в предложенном заявлении. А ошибки и недочеты его содержания являются ответственно-

стью истца (суд сохраняет за собой право отклонить заявление, добиться повторного обращения с предоставлением верной информации в полном объеме) [7, С.202].

Вышеуказанный вывод ранее был подкреплён позицией Президиума ВАС РФ, выраженной в пункте 1 Информационного письма от 2008 года № 126 [11]. В этом документе ВАС РФ разъяснил, что, если лицо, передавшее имущество во исполнение недействительной сделки, обращается с требованием о его возврате из чужого незаконного владения другой стороны, суд должен отклонить исковое заявление. Это означает, что суд придерживался следующей строгой логики: если истец выбирает определенный способ защиты (например, истребование имущества), и этот способ защиты недопустим в соответствии с законом (например, в случае недействительности сделки), то суд должен отклонить исковое требование. Таким образом, приведенная позиция суда подтверждает принцип, что ошибка истца в выборе способа защиты может привести к отказу в удовлетворении исковых требований.

Одна группа ученых, например, А. В. Петряев, В. Нестолий и С. А. Краснова, считают целесообразной и обоснованной практику, предусмотренную в Постановлении № 10/22. В частности, А. В. Петряев подчеркивает, что выбор арбитражным судом способа защиты нарушенного права при вынесении решения представляет собой дополнительную гарантию надлежащей реализации права хозяйствующего субъекта на судебную защиту [8, С. 378]. Данный подход рассматривается как средство укрепления позиции сторон в судебном процессе и обеспечения более эффективной защиты их прав. По мнению этих ученых, допуск суда к самостоятельному определению способа защиты нарушенного права способствует более точному и адекватному применению норм права к установленным фактическим обстоятельствам. В. Нестолий высказывает мнение, что истец в арбитражном судопроизводстве преследует определенный материально–правовой интерес, который остается независимым от выбранного истцом способа защиты своего нарушенного права. Это означает, что, несмотря на выбор конкретного метода защиты, цель истца в основном заключается в защите своего законного интереса [10].

С. А. Краснова выделяет ряд факторов, которые могут привести к расхождениям между первоначальной квалификацией спорного отношения

и окончательной квалификацией, осуществляемой судом при вынесении судебного решения. Эти факторы включают в себя сложность и неоднозначность спора, отсутствие достаточных правовых знаний у истца или квалифицированной юридической помощи, несовершенство правового регулирования и изменение правовой позиции высших судебных органов [5, С. 39]. Также С. А. Краснова отмечает, что первоначальное разъяснение в Постановлении № 10/22 относилось к спорам о защите вещных прав, но практика арбитражных судов показывает, что оно может применяться в различных категориях дел и при рассмотрении различных споров. Это подчеркивает гибкость и универсальность данного положения в контексте арбитражного процесса [5, С. 39].

Другая группа ученых—правоведов, например, таких как С. А. Кузнецов, А. Н. Бондарь, М. А. Клепикова, выражают скептицизм по отношению к вышеупомянутой позиции ВАС РФ и ВС РФ. С. А. Кузнецов указывает, что согласно ч. 1 ст. 49 АПК РФ право изменить предмет или основание иска путем подачи ходатайства предоставляется только истцу. В процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, которые бы давали арбитражному суду возможность изменять основание заявленного истцом требования по собственной инициативе. Это законодательное положение подчеркивает принцип диспозитивности и придает истцу основную роль в определении характера своих требований [4, С. 60]. М. А. Клепикова утверждает, что такая точка зрения по существу нарушает принцип диспозитивности, который предполагает исключительное право сторон распоряжаться предоставленными законом процессуальными правами, включая право изменения предмета или основания искового заявления. Принцип диспозитивности означает, что стороны в процессе имеют свободу распоряжаться своими правами и выбирать способы исключения, изменения или отказа от них. Согласно этому принципу, судебные органы не должны вмешиваться в этот процесс, если стороны сами способны договориться или изменить свои иски [6, С. 1]. А. Н. Бондарь также полагает, что в данном случае имеет место нарушение принципов состязательности и равноправия сторон, поскольку арбитражный суд фактически располагает возможностью принятия по собственному усмотрению решений о выходе за пределы исковых требований [2, С. 4]. А. Н. Бондарь выска-

зывает мнение о том, что в данном случае происходит нарушение принципов состязательности и равноправия сторон. Он считает, что арбитражный суд, фактически имея возможность самостоятельно изменять основание иска, располагает возможностью принятия решений по своему усмотрению, выходя за пределы исковых требований. Это мнение подчеркивает опасение от потенциального вмешательства суда в процесс. Нарушение принципов состязательности и равноправия сторон в судебном процессе может подорвать доверие к судебной системе и справедливости [2, С. 5].

Довольно интересно, что с 2022 года ВС РФ фактически запретил судам общей юрисдикции самим менять исковые требования, так как на сегодняшний день ВС РФ часто направляет дела на новое рассмотрение, когда нижестоящие суды не учитывают изначально заявленные исковые требования. В качестве примера можно привести Определение от 01.03.2022 года по делу № 8–КГ21–65–КЗ [13]. Однако, важно отметить, что эта практика не распространяется на арбитражные суды, где сложилась противоположная тенденция, так как согласно положениям Постановления Пленума ВС РФ от 2021 года № 46 арбитражные суды не связаны правовой квалификацией правоотношений, предложенной участниками дела. Однако, несмотря на риски, связанные с этим подходом, он все же основывается на разъяснениях ВС РФ и ВАС РФ, а также не раз подтверждался в судебной практике. Например, в Определении СК по экономическим спорам ВС РФ от 2019 года по делу № А40–131425/2016 [12] указывается следующее:

1. Согласно пункту 3 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 2010 года № 22 по мнению суда, ссылка истца на нормы права, которые, по его мнению, не подлежат применению в данном деле, не является сама по себе основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования. Это означает, что суд признает необходимость рассмотрения сути дела, несмотря на возможные ошибки в правовой квалификации истца. Такая же позиция предусмотрена в пункте 9 Постановления Пленума ВС РФ от 2015 года № 25.

2. Суд пришел к выводу о том, что арбитражный суд не обязан придерживаться юридической квалификации, предложенной истцом в заявленных требованиях и спорных правоотношениях. Суд должен рассматривать иск, исходя из предмета и оснований, то есть фактических обстоятельств

дела. Арбитражный суд имеет право определить самостоятельно круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора, и которые подлежат исследованию, проверке и установлению по делу. Кроме того, суд обязан определить, какие именно нормы права должны применяться в конкретном спорном правоотношении.

3. Суд указал, что отказ в иске с ссылкой на неправильный выбор способа судебной защиты при формальном подходе к квалификации заявленного требования считается недопустимым. Суд подчеркивает, что такой отказ не способствует разрешению спора, не обеспечивает определенность в отношениях сторон, не сохраняет баланс их интересов, и не способствует стабильности гражданского оборота.

4. Делается ссылка на обзор судебной практики, который касается вопросов, связанных с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства. Так, подчеркивается, что когда кредитор выражает возражения против содержания, утвержденного на собрании (комитете) кредиторов локального акта (например, плана внешнего управления, положения о продаже имущества должника, порядка и условий замещения активов и т.д.), суд обязан самостоятельно классифицировать это возражение, ориентируясь на характер спорных правоотношений и законы, применимые в данной ситуации.

Довольно интересно также то, что многие ученые—правоведы указывают о такой проблеме активности суда в переквалификации исковых требований при рассмотрении дела в арбитражном процессе, как заявление исковых требований лицами, не обладающими специальными юридическими знаниями (не профессионалами) [9, с. 100]. Так, профессиональные участники гражданских отношений (например, юридические лица или квалифицированные физические лица) могут заявлять иски, не опасаясь переквалификации из-за неверной квалификации. Профессиональные участники, как правило, обладают опытом и знанием, что должно содействовать правильной квалификации иска. Таким образом, несмотря на однозначный подход судов вышестоящей инстанции относительно возможности переквалификации заявленных исковых требований, остаются ряд вопросов, которые остаются нерешенными. Риски такой переквалификации лежат как на истце, так и на ответчике, что под-

черкивает сложность в балансировке интересов сторон в арбитражном процессе. Данный вопрос порождает дискуссии в правовой науке и требует дополнительного изучения и разъяснения в рамках судебной практики.

Когда суд переквалифицирует исковые требования истца, это означает, что он фактически пренебрегает выбранным истцом способом защиты своих прав. При выдвижении тех или иных требований в рамках иска, истец может руководствоваться наличием или отсутствием у него необходимых доказательств, которые являются предметом доказывания. Также важным фактором может быть наличие или отсутствие требований, установленных законом о сроках исковой давности. В результате переквалификации исковых требований ответчика лишают предсказуемости процесса, что мешает ему эффективно организовать свою защиту от предъявленного иска. Ответчик может потерять возможность вовремя заявить о пропуске сроков исковой давности. Более того, стороны могут быть лишены возможности предварительно высказать соответствующие возражения относительно судебной квалификации, узнав об этом лишь из текста судебного акта. В общей сложности переквалификация исковых требований ставит под угрозу принцип состязательности в судебном процессе.

Суды, фактически, выделяют одно основное препятствие для переквалификации — одновременное изменение предмета и основания иска. Так, например, в Решении ФАС Западно—Сибирского округа от 2012 года по делу № А46—17572/2012 [18] суды подчеркнули, что в данном случае переквалификация спорного правоотношения невозможна, поскольку это приведет к изменению иска как по его предмету, так и по основаниям. Такие изменения запрещены законом. Однако стороны могут защитить свои права и интересы, внося соответствующие возражения против переквалификации заявленных требований. Это особенно актуально в случае, если вопрос о надлежащей квалификации поднимается судом и обсуждается на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а не откладывается до рассмотрения дела. Пункт 9 Постановления Пленума ВС РФ от 2015 года № 25 [23] предоставляет сторонам возможность представить такие возражения.

В указанном контексте, если суд самостоятельно переквалифицирует исковое требование без предварительного обсуждения этого вопроса

между сторонами, это может рассматриваться как нарушение принципа состязательности сторон в судебном процессе. Принцип состязательности предполагает, что стороны должны иметь равные возможности представить свои доводы, аргументы и доказательства. Если суд самостоятельно принимает решение о переквалификации, не предоставив сторонам возможность высказаться по этому вопросу, это может быть основанием для отмены судебного акта судом вышестоящей инстанции. Такие действия могут рассматриваться как нарушение процессуальных гарантий и принципов справедливого судебного разбирательства. Например, согласно Постановлению Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2018 года по делу № А33–676/2018 [20] суд отмечает, что вопрос о юридической квалификации не был вынесен на обсуждение участников спора, и в решении суда не было дано оценки данному вопросу.

Анализ судебной практики по отменам судебных актов из-за не вынесения на обсуждение вопроса о переквалификации заявленных требований, свидетельствует о том, что суды первой инстанции не всегда соблюдают принцип состязательности сторон. В связи с этим, для защиты своих прав стороны могут предпринять следующие шаги:

- стороны могут активно участвовать в процессе, представляя свои аргументы относительно квалификации исковых требований;
- если сторона считает, что суд нарушил принцип состязательности и не вынес вопрос о переквалификации на обсуждение, она может обжаловать судебный акт в вышестоящие инстанции на основании. Это предоставляет возможность пересмотра решения и его отмены.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что активность суда в переквалификации исковых требований при рассмотрении дела в арбитражном судопроизводстве представляет собой сложный юридический вопрос, который требует внимательного внимания и балансировки интересов сторон. Суды вышестоящих инстанций часто признают необходимость изменения квалификации исковых требований с целью обеспечения справедливости и правильного разрешения спора. Тем не менее, это подразумевает не только защиту прав истца, но также соблюдение принципа состязательности. Роль сторон в формировании решения по данному вопросу также важна, и возражения со стороны истца и ответчика могут

оказывать влияние на окончательное решение суда. Предложенные в этой исследовательской работе рекомендации по повышению эффективности участия арбитражных судов в переквалификации исковых требований должны дать желаемый результат. При этом в обязательном порядке должны быть внесены изменения в действующие положения нормативно-правовых и законодательных актов, регулирующих вопросы подачи, модернизации оснований исковых требований.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95–ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Бондарь А. Н. Равноправие сторон — конституционный принцип гражданского и арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 11. С. 2–7.
3. Григорьева Т.А., Минаев А. М. Изменение предмета или основания искового заявления как форма реализации права на получение судебной защиты // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 3. С. 65–70.
4. Кузнецов С.А. О праве суда изменить основание требования собрания кредиторов об отстранении конкурсного управляющего и по собственной инициативе отстранить его // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 58–67.
5. Краснова С. А. Право потерпевшего на выбор способа защиты и право суда на юридическую квалификацию: вопросы соотношения // Юрист. 2012. № 19. С. 39.
6. Клепикова М. А. Судебный контроль за распорядительными действиями сторон в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9. С. 1.
7. Лебедев М. Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 12–е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 442 с.
8. Петряев А. В. Признание права отсутствующим // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2014. С. 374–380.

9. Суинов А. В. Элементы искового заявления и классификация исков по различным основаниям // Трибуна ученого. 2019. № 11. С. 92–102.
10. Анциперова А., Нестолий В. Три правила переквалификации иска // эж–ЮРИСТ. 2012. № 50 [Электронный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/57793144/?ysclid=Ippih0wjag632461332> (дата обращения: 27.11.2023).
11. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» [Электронный ресурс] — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82613/?ysclid=Ippid7k85e291290080 (дата обращения: 27.11.2023).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 г. по делу № А40–131425/2016 [Электронный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/73346331/?ysclid=Ippinaygdy512765211> (дата обращения: 27.11.2023).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2022 № 78–КГ21–65–К3 [Электронный ресурс] — URL.: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01032022-n-78-kg21-65-k3/?ysclid=Ippj6cku30928913373> (дата обращения: 27.11.2023).
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.02.2021 г. по делу № А40–193459/2019 [Электронный ресурс] — URL.: consultant.ru (дата обращения: 27.11.2023).
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.11.2020 г. по делу № А40–127668/2019 [Электронный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/69109922/> (дата обращения: 27.11.2023).
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.10.2020 г. по делу № А40–324526/2019 [Электронный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/69102824/> (дата обращения: 27.11.2023).
17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2023 г. по делу № А40–150255/2022 [Электронный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/65573194/> (дата обращения: 27.11.2023).
18. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.12.2012 г. по делу № А46–17572/2012 [Электрон-

- ный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/38133970/?ysclid=lpfi-ufj03o506313350> (дата обращения: 27.11.2023).
19. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2013 г. по делу № А40–119561/13 [Электронный ресурс] — URL.: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CDUbхuqаLoW6/?ysclid=lpriww0k-wb304893304> (дата обращения: 27.11.2023).
20. Постановление Арбитражного суда Восточно–Сибирского округа от 02.10.2018 г. по делу № А33–676/2018 [Электронный ресурс] — URL.: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZiyqVDkJO56S/?ysclid=lpriyu6izr827572825> (дата обращения: 27.11.2023).
21. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.09.2020 г. по делу № А51–16414/2018 [Электронный ресурс] — URL.: <https://base.garant.ru/37214280/> (дата обращения: 27.11.2023).
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс] — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/?ysclid=lprieugpwt339926700 (дата обращения: 27.11.2023).
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lpriylsxc919142299 (дата обращения: 27.11.2023).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Журнал «Научный аспект №1 2024»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru

Подробнее на сайте: <https://na-journal.ru>